

ВИКТОР СТЕПАНЫЧЕВ

НАЕМНИК

МАСТЕР БОЯ

ВИКИНГ

Виктор Степаньчев

Мастер боя

«Научная книга»

2006

Степанычев В.

Мастер боя / В. Степанычев — «Научная книга»,
2006 — (Викинг)

Подполковник антитеррористического подразделения Вадим Веклемишев, легендарный Викинг – исчез. Боевые друзья ищут его, но все безуспешно... А на десятиугольном ринге для боев появился непобедимый Великий Дракон, легко сокрушающий всех соперников. Человек без имени и без прошлого. Он не помнит кем он был прежде. Полная потеря памяти после ранения. Теперь его жизнь – непрерывные схватки. Люди, наладившие «бойцовский бизнес», не прочь проверить и другие темные делишки. Об их планах устроить грандиозный теракт узнает Дракон. Этим он обрекает себя на смерть, смерть в жесточайшем бою. И действительно, в этом бою Дракона не стало. Вместо него появился Викинг. А уж он-то знает как выиграть бой. Даже без правил...

© Степанычев В., 2006

© Научная книга, 2006

Содержание

Часть I. Бои без правил	5
Глава 1. Бегство в никуда	6
Глава 2. Перед дальней дорогой	11
Глава 3. От перрона до «Анапы»	16
Глава 4. В объятия Унтера	24
Глава 5. А у психов жизнь...	29
Глава 6. Тест для дауна	36
Глава 7. Неудачный урок	42
Глава 8. Танцы до упаду	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор Степанычев

Мастер боя

Часть I. Бои без правил

*Если спросишь: «Где твой дом?» -
Дома он не назовет.
Если спросишь: «Как зовут?» -
Имени не скажет он.
Словно малое дитя
Плачущее, он в ответ
Не промолвит ничего.
Как ни думай, ни тоскуй,
Но печальная судьба -
Здесь, на этом свете, жить.
Каса Канамура. Японский поэт VIII века*

Глава 1. Бегство в никуда

Боль подкралась точно так же, как и вчера, и позавчера, и третьего дня, как подкрадывалась с тех пор, как он помнил себя в этой жизни, – по-предательски незаметно, исподволь и даже ласково.

Вначале кошачьей шерсткой аккуратно и нежно тронув шею, скользнув влажным дуновением ветерка по коже, будто взъерошивая короткие волосы, она вступила в свои права, накатив на затылок тупым онемением, скоро превратившись во всеобъемлющую, пожирающую его сознание пытку.

Он обреченно полез в шуршащий полиэтиленовый пакет, где, кроме литровой бутылки с минералкой и начатого батона, лежали две пластинки анальгина. Одна была нетронутая, а во второй еще покоились в гнездах две таблетки. Помимо наручных часов, этот пакет с нехитрым содержимым был всем имуществом, которым нынешним утром снабдил его дедушка Джамал. Пластиковую бутылку «Нарзана» и хлеб они купили в ларьке рядом со станцией. Анальгином запаслись еще вчера днем в крохотной аптечке в придорожном селе.

Выдавлив обе таблетки из облатки на ладонь, он забросил их в рот и, совсем не чувствуя горечи, разгрыз и запил минералкой. На серьезные лекарства у старика денег не водилось, да и какие ему сейчас нужны, ни старик, ни он сам не ведали. Рецепты-то выписывать некому. Помогает анальгин – вот и славно!

Немного запрокинув голову назад – так, ему казалось, боль уходит немного быстрее – и сцепив зубы, чтобы не застонать от разрывающей мозг злобной твари, он застыл, ожидая действия лекарства.

Скамейка пряталась за давно не стриженными кустами в неопрятном пристанционном скверике, и его никто не видел, никто не мешал. Он не стыдился своей слабости, однако и не желал ничьей помощи или сострадания, не хотел привлекать к себе внимания людей. Он оставался один в этом мире, пока чужом и враждебном, и не открывался ему, как и сам мир был для него закрыт и чужд...

Наблюдал за ним, правда, с невысокого пьедестала славный гусарский поручик, воспевавший горные вершины, на склоне одной из них и сложивший свою головушку. Но уж этот-то не в счет. Бюст поэта был исполнен в граните, из-за чего и сохранился в целости, избежав участи бронзовых собратьев, почивших усилиями «благодарных» потомков на пунктах приема цветных металлов. Поручик смотрел на него внимательно и грустно, чуть наклонив вперед лобастую голову. Только в уголках его губ таилась всепонимающая и всепрощающая горькая усмешка: «...песнь – все песнь; а жизнь – все жизнь!»

Путешествие длилось уже более десяти дней. Они с дедушкой Джамалом переезжали на перекладных – автобусами, случайными оказиями – из одного селения в другое сначала по Чечне, затем по Ингушетии, уходя все дальше и дальше от негостеприимных кавказских предгорий. Шли и ехали, обходя блокпосты, пока не достигли мест, где издревле терские казаки держали приграничье, которое можно было назвать русским, хотя и это, в общем-то, спорно...

В дороге беглецам давали ночлег, делились едой, однако в глазах людей, их приютивших, невозможно было различить ни радости встречи, ни горечи прощания. Прятались серыми тенями в глубине зрачков опасение и отчужденность, да еще тяжкий груз будничных забот лежал на усталых лицах. И затаенные нотки облегчения чудились в голосах, желавших им счастливого пути.

Десять дней в дороге, а до того столько же, а может, и больше – в темной подвальной комнатке-келье, где только горящий фитилек, плавающий в глиняной плошке с маслом, мерцающим глазом звал его жить. Собственно, и сама жизнь, в которой он сейчас существовал, началась с этого фитилька.

Сначала был непроглядный мрак, в котором он летел и летел, не чувствуя ничего – ни боли, ни ненависти, ни любви, ни страха – ничего, кроме полета. Полета в никуда, в ничто... А потом в темноте возникла серая точка, ставшая робкой искрой.

Искра разгоралась все сильнее и сильнее, пока не превратилась в тонкий язычок пламени. И тогда вместе с этим неярким светом явилась жизнь, и одновременно с ней возникли боль и страдание.

Десять дней он уходил от смерти и еще десять дней бежал от людей. И все для того, чтобы в конце пути остаться одному в грязном привокзальном сквере под пристальным взглядом гранитного поручика – без документов, без денег, без прошлого. У него, правда, было имя, но не его, данное от рождения, а чужое, из новой жизни. Дедушка Джамал назвал его в память своего фронтового друга Петром. Старик сказал, что человек не может жить без имени. Это камень может быть безымянным, дорожная пыль, которую разносит ветер, безымянна, а человек должен носить имя, данное ему Аллахом и людьми.

Дедушка Джамал достал завернутые в платок фотографии и нашел среди них одну потертую и совсем пожелтевшую, на которой запечатлелись обнявшие друг друга за плечи молодые парни с орденами Славы на груди – по два на каждого, донельзя счастливые, победившие в Великой войне. Он так ее и назвал – *Великой*, опустив остальные уточнения.

Старик ткнул пальцем в смеющегося горбоносого солдатика, у которого пышный чуб выбивался из-под лихо сдвинутой на ухо пилотки, и гордо сообщил, что это он сам, рядовой полковой разведки Второго Украинского фронта. А сержант, сидящий рядом с ним, командир отделения и друг, с которым он прошел, а точнее – прополз на брюхе по снегу и грязи от Вязьмы до самой что ни на есть австрийской Вены. И звали того сержанта Петром.

Белобрысый круглолицый крепыш со старой фотографии ни единой черточкой не походил на темноволосого, с запавшими от боли глазами, гостя. Но дедушка Джамал безапелляционно заявил, что они похожи друг на друга не внешне, а душой и сердцем. И это главное сходство. На фронте сержант Петр Крюков дважды спасал своего товарища, а он спас его внучку через много лет после Великой войны.

Сопrotивления не было. Петр – значит, Петр. Своих вариантов все равно никаких. Не было и ассоциаций ни с этим именем, ни с другими. Точно так же, как и рассказ дедушки Джамала не вызывал никаких воспоминаний или эмоций. Единственным связующим звеном между прошлой жизнью и нынешней был адский взрыв в сознании, расцвеченный всеми цветами радуги и жуткой болью. Жестокий удар в затылок, вызвавший мощнейшую вспышку в мозгу, словно бы выбросил ступок энергии и дал импульс на рождение сверхновой звезды. С угасанием прежней жизни на свет появился другой человек, начавший жить заново.

Он не помнил ничего из того, что рассказывал дедушка Джамал. Ни пьяных федералов, приехавших на БТРе и требовавших водки и денег от старика, ни глумления недоумков, увидевших свежее личико младшей внучки старика и немедленно объявивших ее снайпершей, которую они давно ищут. Не помнил и того, откуда он пришел в дом дедушки Джамала, почему встал на пути беспредельщиков.

Слова увещевания не помогли, пьяное сознание солдат их не восприняло. Тогда он вырвал девушку из рук контрактника, тащившего ее на улицу к БТРу, и громко заорал на старлея, попытавшегося перехватить за руку девчонку, испуганной птахой метнувшуюся за дом. А один из них – тот, что стоял за спиной, самый спокойный и упитый, с улыбкой дауна, страшной гримасой застывшей на лице, перехватив короткий «АКСУ» за ствол, с размаху ударил, приложив кожухом затворной рамы, как обухом топора, к его затылку. По-нашему, по-русски – беспощадно и бессмысленно...

Потом они смотрели на него, безжизненно лежащего в луже крови, растекающейся по плиткам двора. Смотрели, трезвея и мрачняя, пока старший лейтенант, выругавшись длинно, не погнал всех к БТРу. Они уехали, а уже через час вернулись, вероятно, посоветовавшись и

решив подчистить за собой, убрать свидетелей бесчинства. Но уже не застали никого. Дедушка Джамал предвидел, что может произойти. Если бы их с внучкой и не убили, то обвинили бы в смерти неожиданного защитника.

А тот не был мертвым. Или почти не был. Пульс едва бился, и дыхание едва ощущалось, однако кровь сворачивалась, затягивая рану, оказавшуюся не слишком глубокой.

Наскоро перевязав раненого, дед с внучкой схватили самое необходимое, загрузив нежданного защитника сверху на узлы, брошенные навалом на двухколесную ручную тележку. В наплывших с гор сумерках они перевезли его на другой конец селения и спрятали, укрывшись и сами, у родственников, коих было две трети села. Там в темном подземном тайнике и прожили десять дней, пока он не встал на ноги. А пьяные выродки, не найдя их, поколесили в темноте по селу, выпустили пару очередей в купол мечети и убрались. Хмель выветрился, пыл угас, да и сил, чтобы провести по полной программе зачистку села, маловато было, пятерым не справиться. Соседи передавали, что дня через два опять приезжали, в ворота стучали, да дом как стоял пустой, так пустым и остался.

В себя он пришел на третий день. Огонек коптилки давал мало света. Отблески огня плавали по земляным стенам, извиваясь причудливыми тенями, и пропадали на полу в темноте углов. Как-то сразу, одновременно, пришли и ощущение своего тела, и наплыв жестокой боли, пронзившей затылок. Он застонал, и к его лицу склонилось лицо девушки, почти ребенка, с тонко выписанными чертами. Их глаза, ее немного испуганные и его, усталые и безразличные, встретились.

– Сейчас, сейчас... – быстро проговорила девушка и исчезла.

Скрипнула дверь где-то у его ног, взметнув по стенам тени от всполошившегося язычка пламени. Стало совсем тихо, лишь слышалось частое потрескивание горящего фитилька. Потом он различил шаги – небыстрые и шаркающие. Скрип петель; к нему наклонился старик с морщинистым лицом, в высокой папахе.

– Живой, джигит? – спросил он и сам же ответил на свой вопрос: – Живой!

– Пить... – с трудом выдавил из себя лежащий.

– Сейчас мы тебя напоим, перевяжем, – кивнул ему старик. – Что у тебя болит?

– Голова... Сильно... – слабея с каждым произнесенным словом, прошептал раненый.

– Да, конечно, – подтвердил старик. – Голова...

Несколько глотков воды прибавили сил.

– Где я? Кто вы? – спросил он и неожиданно для себя добавил: – Кто я?...

Старик качнул головой, словно утверждая его вопросы:

– Меня зовут Джамал. Дедушка Джамал. Это моя внучка Лайла. Ты ее спас от федералов, – он повел подбородком влево, где в темноте за его спиной расплывчатым пятном виднелось лицо девушки. – А кто ты, наверное, лучше знать тебе самому.

Лежащий задумался, пытаясь ответить на этот вопрос в первую очередь себе.

– Я не знаю, кто я такой, – после долгой паузы произнес он. – Я не могу вспомнить...

– Но нас-то ты помнишь? Помнишь, что произошло, когда тебя ранили? – с надеждой произнес старик.

Он нахмурил лоб, и это движение кожи отозвалось очередным накатом боли.

– Что произошло?... Не помню... Совсем ничего не помню!

Через неделю, когда раненому стало лучше, дедушка Джамал сказал, что надо уходить и он выведет его в безопасное место. Кто он такой, откуда и зачем явился, так и оставалось загадкой. Документы отсутствовали, как и вообще не было ничего – вещей или предметов, кроме наручных японских часов «Сейко». Ничто не указывало на принадлежность его к кому или чему-либо. Карманы камуфлированных брюк и куртки были до неприличия пусты. Сам же коричнево-зеленый камуфляж никак не мог определить статус ни военного, ни гражданского.

Кто нынче не таскает на работу, на охоту, да и просто так ставшую расхожей в России дешевую и немаркую одежду? И генералы, и боевики, и бомжи – все в ней.

А раз нет документов, то и находиться в предгорной, вечно беспокойной местности Чечни было опасно со всех сторон.

И федералам ты чужой – без имени и прошлого, и чеченцам не свой, неизвестно откуда и зачем явившийся. Найдут военные или милиционеры, заберут в фильтрационный лагерь, где потом и концов не сыщешь. Опять же, спустятся с гор джигиты – те, что приходят ночами, и, не разобравшись, с собой уведут. А у них суд короткий, без адвокатов – все Вышинские. Тем более что не вайнах этот человек. Язык вроде знает, но поговору слышно, что не родной он ему. А русский ли – кто разберет? Однако Россия принимает всех. Велика она, а Чечня мала, ох как мала, особенно для чужих.

Так рассудил старый полковой разведчик и стал собираться в дальний путь. Да какие там сборы – только подпоясаться!

Прощаясь, старик тяжело вылез из старенького «Москвича», на котором племянник дальнего родственника довез их до конечной точки маршрута, куда они стремились. Раньше к «железке» выходить было опасно – все станции охраняли усиленные патрули федералов и местной милиции, контролируя движение составов в Чечню и обратно, а здесь особая зона кончалась и в каждом проезде и проходящем боевика не подозревали.

Опершись на длинный сучковатый посох, дедушка Джамал грустно напутствовал его:

– Я сделал все, что смог. Здесь тебя не станут убивать, не пытайся разобраться, кто ты такой. Наверное, ты чем-то сильно прогневал Аллаха, что он лишил тебя памяти. Постарайся вымолить у него прощение. Как это сделать – словами или делами, – не знает и не объяснит никто. Только сердце сможет тебе подсказать, как свершить то, что вернет тебе облик живого человека. Того, у кого есть прошлое, а значит, появится и будущее. Пока ты неживой, как облако, плывущее над землей без смысла и направления, куда его погонит капризный ветер. Найди свое имя, обрети душу. А как найдешь себя и если захочешь, приезжай в гости. Я всегда буду рад видеть тебя. Счастья тебе, сынок!

Воспоминания, словно помогая лекарству, притупили боль, которая медленно, шаг за шагом, уходила, чтобы через некоторое время вернуться вновь. Правда, промежутки между ее приливами с каждым днем не очень заметно, но увеличивались. Если вначале, в первые дни после ранения, боль исчезала, чтобы возвратиться через несколько минут, сейчас проходил час, два, а когда и больше, прежде чем он начинал ощущать первые нежные кошачьи прикосновения, мягко возвещающие о последующих мучениях.

Физическая боль доставляла сильные муки, однако со временем он как бы и привык к ее неизбежности, научился справляться с ней. Не меньшие, а может быть, и большие мучения причиняла потеря памяти. Теперь он даже знал, как называется это состояние. Амнезия – так определила отсутствие в сознании воспоминаний о своем прошлом хозяйка дома, у которой они останавливались на ночь с дедушкой Джамалом, работающая медсестрой в местной больнице. Этот медицинский термин совсем не удивил его. Женщина произнесла название недуга, и он согласно кивнул: да, амнезия. Как-то сразу пришло на язык и дополнение к термину: «ретроградная». Он знал это слово, это понятие, как и многие другие. Нужно было просто напомнить ему, иногда лишь малым штрихом, намеком, и они всплывали, пробуждались в спящей памяти.

Не просыпались, не хотели просыпаться только воспоминания о нем самом, не прорываясь ни единой черточкой, ни единым образом, ни единой самой ничтожной микрочастицей памяти. Слово жесточайшее табу было наложено на его прошлое, и, главное, отсутствовал ключ, чтобы снять это заклятье. Та женщина, медсестра, сказала, что память к нему может, в принципе, вернуться, если он перенесет какой-то стресс или что-то неожиданное напомнит о

прошлом, всколыхнет глубинные слои его мозга, но она не специалист и не может ничего ни посоветовать, ни подсказать.

Он и сам чувствовал, будто какая-то вязкая темная стена выросла между его прошлым и настоящим. И он пытается раздвинуть ее, разорвать и шагнуть вперед, но стена не пускает, обволакивая мозг и тело липкой и тягучей массой. Попытки пробиться через это препятствие приносили намного большие мучения, чем циклично приходящая и ставшая почти привычной боль. Эти попытки напрочь отнимали силы и энергию, повергая его в беспомощное состояние, длившееся краткое мгновение, но делавшее совершенно беззащитным и слабым.

Глава 2. Перед дальней дорогой

Боль почти ушла. Он опустил закинутую голову и открыл глаза. Ничего не изменилось – поручик так же задумчиво смотрел на него, а может – сквозь него. Пыльные, немного приувядшие от жары кусты более открывали, чем скрывали мусор давно не убиравшегося скверика. И вообще, он только обратил внимание, что все окружающее, все предметы были окрашены скорее различными оттенками холодного серого цвета, чем присущими им по существу цветами радуги. Кусты казались серо-зелеными, бюст поэта – светло-серым, скамейка – серо-голубой, мелкий гравий под ногами отливал темно-серым; даже пластиковый пакет с нехитрым содержимым – и тот был серебристо-стального цвета. Весь мир вокруг был серым – как и его существование в этом мире... А присно, а во веки веков для него что-нибудь изменится?!

Вернулись и звуки. Совсем рядом с крохотной пристанционной площадью, размером со штрафную площадку футбольного поля, послышались стук закрываемых дверей автомобиля, голоса и быстрые, почти бег, шаги. Через кусты в сквер заскочили двое парней лет по двадцать пять, обычной усредненно-славянской и среднестатистической наружности. Один был в черных джинсах и светлой рубашке со спортивной сумкой, второй, как и он сам, – в коричнево-зеленом камуфляже.

Лица прибывших не светились покоем, а выглядели очень даже встревоженными. Они усердно повертели головами, осматриваясь, и, похоже, окрестный ландшафт оптимизма им не прибавил. Человек, спокойно сидевший сбоку на лавочке, их не беспокоил. Взгляды парней мельком пробежали по нему и стали высматривать чего-то более интересное.

Они негромко перебросились несколькими фразами. Обрывки их разговора донеслись до сидящего:

– ...Дорога-то на станцию одна... оторвались максимум минут на пять...

За кустами на пристанционной площади послышался резкий скрип тормозов. Парни повернули головы в ту сторону, вглядываясь сквозь ветки, и единым выдохом обреченно произнесли:

– Они!..

Видимо, кто-то гнался за этими ребятами, и фора была совсем не пятиминутной. Парни затравленно огляделись по сторонам, посмотрели друг на друга и кинулись к дальним кустам. Помимо этого вовсе ненадежного укрытия, деваться им было некуда. Сразу за кустами вздымалась высокая глухая стена какого-то станционного здания, справа скверик граничил с дорогой, а слева – с перроном. И левый и правый фланги прекрасно просматривались с привокзальной площади, куда уже прибыли их преследователи. Парни с разбегу вломились в кусты и залегли.

До скамьи донесся отчаянный шепот:

– Мужик, не выдавай, где мы! А то эти зверюги нас точно замочат! Христом Богом просим, не выдавай!

Петр пожал плечами – не выдавать значит не выдавать. Да, собственно, этого и не требовалось. Только незрячий да совсем уж бестолковый не заметил бы затылки и зады парней, по-страусиному торчащие за редкими кустами.

В сквер влетели три гуманоида и с ходу, с азартом охотников, обложивших дичь, кинулись к сидящему на скамейке. Подошвы обуви от торможения едва не задымились, когда ребята на бегу разобрались, что это вовсе не искомый объект. Их физиономии от огорчения изрядно вытянулись. Густая порция донельзя идиоматических и труднопроизносимых в приличном обществе предложений, выразивших искреннее сожаление по поводу произошедшей ошибки, вырвалась одновременно из трех глоток. Вновь прибывшие, несмотря на различия в росте, объемах, цвете глаз и волос, были схожи друг с другом и с известным типажом: накачанные, коротко стриженные – эдакие стандартные «быки».

Внимание их в первые секунды, естественно, было приковано к единственному находящемуся в зоне обзора индивидууму, поэтому парни в кустах с ходу обнаружены не были. Один, коренастый, без разговоров сгреб сидящего на скамейке за ворот куртки:

– Ты, придурок, видел здесь двух парней? Они, козлы, сюда пару минут назад рванули.

– Козлов не видел, – честно проинформировал Петр и повел плечами, пытаясь освободиться от хватки.

– Я тебя еще раз спрашиваю! Последний! – яростно взревел коренастый. – Отвечай, а то урою, падла! Таксист сказал, что они в сквер погнались. Видел или нет?

– Что ты с ним базаришь? – вмешался в беседу еще один и взял с лавочки пустую обертку от анальгина. – Кент явно не врубается. Глянь, он же на «колесах» сидит.

– А мне по хрену, на чем он, на колесах или на лыжах. Куда делись эти козлы? Отвечай, урод!

Цепкие пальцы, отпустив ворот куртки, перехватили сидящего за шею и сильно сдавили ее. Неожиданно третий из компании, видимо, самый наблюдательный, издал торжествующий крик, показывая пальцем на дальние кусты:

– Вон они, суки!!!

Может быть, если бы это произошло парой секунд раньше, все сложилось бы иначе, однако что случилось, то и случилось...

Радостный возглас смешался с одновременно прозвучавшим отчаянным воплем боли. Все удивленно обернулись на крик. Коренастый стоял на коленях у лавочки и громко вопил. Пальцы незнакомца, стальной хваткой перехватившие его руку на излом в запястье, в истовом поклоне гнули парня к земле.

Стоящий рядом «номер второй», специалист по «колесам», некоторое время пребывал в крайнем изумлении от совершившегося безобразия. Наконец опомнившись, он энергично размахнулся нижней конечностью с целью решительно покарать обидчика своего товарища, по виду – явного лоха. К его крайнему изумлению, привычная к таким делам нога не достигла цели. Она почему-то пошла, влекомая чужой голенью, по совершенно неправильной траектории, задираясь круто вверх. В полном соответствии с разделами физики, в которых изучается понятие инерции, «номер второй» со всего размаха плюхнулся спиной на гравий рядышком с корчащимся от боли другом. Еще он успел разглядеть, как нога незнакомца пяткой, а точнее – рифленным каблуком армейского ботинка, аккуратно опустилась на его грудь, после чего жесточайший спазм до темноты в глазах перехватил дыхание.

Не только застывший в граните поручик наблюдал за полем битвы. Хотя какая там битва – два квадратных метра перед лавочкой, с которой победитель подняться так и не соизволил. Так, чуть-чуть, будто нехотя, передвинулся по ней да ногой махнул... Трое не менее, чем поручик, застывших и еще более оторопелых зрителей изумленно разглядывали картину. Двое – привстав на четвереньки за кустами, да еще один – самый наблюдательный из троицы и единственный из них неповерженный. Те, что за кустами, опомнились первыми. Увидев, что перевес благодаря нежданной помощи человека с лавочки на их стороне, они резво выломались через пыльные зеленые насаждения и кинулись к стоящему в нерешительности «быку».

Очумелый от случившегося парень все же сумел принять верное решение. Он поспешно ретировался из скверика, более чем энергично рванув на привокзальную площадь. Громко взревел двигатель, противно завизжала резина покрышек резко взявшей с места машины.

– Ушел, гад, – разочарованно-вдохновенно доложил тот, что был в камуфляже. – Немного не достали. А то бы мы... А как ты, мужик, их положил классно!

Второй, не говоря ни слова, подошел к глухо стонавшему от боли в вывернутом запястье коренастому и резким ударом в основание шеи поверг того в бессознательное состояние. Потом охлопал его, обыскивая, и, задрав сзади кожаную жилетку, вытянул из-за пояса пистолет.

«Тульский Токарева», «ТТ», – бессознательно и автоматически точно определил про себя тип оружия Петр. Он разжал пальцы, и коренастый, уже безвольно осевший всем телом на колени и поддерживаемый лишь его рукой, плюхнулся боком на гравий рядом с корчащимся в спазме товарищем.

– Линяем отсюда шустрее, – деловито сказал парень в джинсах, засовывая пистолет в сумку. – У нас в запасе максимум минут пятнадцать, чтобы убраться. Этот, что ушел на джипере, вряд ли сунется назад, а вот подмогу запросто вызовет. У этих ребятишек в округе все повязано. Даже если он без мобильного, позвонит или с заправки, или с поста от ментов. Это если они с ментами не в одной связке, а то и с ними может вернуться. В общем, берем мотор и дуем на трассу – там поворот еще до гаишного поста есть, думаю, успеем проскочить. А на трассе остановим попутку, и только они нас и видели... Все, погнали!

Свой монолог он произносил громко и внятно, кидая косые взгляды на страдающего от удушья парня. Тот, что в камуфляже, изумленно смотрел на товарища и уже было открыл рот, видимо, чтобы спросить о чем-то, но его товарищ, сделав зверское лицо, погрозил кулаком. Вопросы не последовало.

– Уходим! – махнув головой на выход из скверика, сказал он. – Слышишь, мужик, валим быстрее! Поднимайся, надо когти рвать! – эмоционально повторил он, глядя на человека, все так же спокойно сидящего на лавочке.

Тот безразлично пожал плечами, встал, подхватил свой пакет и двинулся следом за парнями. Они остановились у ступенек, ведущих на площадь, и тот, что в джинсах, взявший на себя роль лидера, шепотом дал указание:

– Никакого мотора не берем. Это я сказал, чтобы слышал астматик. Пускай нас ищут на трассе. Через три минуты должна подойти электричка – я глянул расписание, когда вылезал из такси. Садимся на нее и ждем до Минвод. Тебя как зовут, земля? – обратился он к неожиданному избавителю.

– Петр, – коротко сообщил тот. Альтернативы имени, данному дедушкой Джамалом, не было.

– Я Сергей, а он Санька, – представился парень и деловито констатировал: – В общем, тебе тоже деваться некуда. Останешься – замочат... Давай с нами в электричку, а там разберемся, что делать. Вон она уже на подходе, свистит на входной стрелке. Расходимся, чтобы нас вместе не видели, садимся в разные вагоны. А как немного отъедем от станции, встретимся в третьем от электровоза. Ходу, мужики!

Сбили они со следа преследователей или и не было за ними погони, можно было лишь гадать. Первые остановки ребята напряженно вглядывались в окна, ожидая увидеть на перроне встречающих братков, но чем дальше, тем спокойнее становились их лица. И головами уже не так крутили, осматривая очередную станцию, и Сергей уже не лез в сумку и не цеплялся за рубчатую рукоять «тэтэшки». До Минеральных Вод они добрались без происшествий и накладок, если не считать появления в вагоне хмурого контролера, которому безропотно заплатили штраф за безбилетный проезд. Сдались без боя: виноваты, дяденька, не успели взять билет, что в принципе было чистой правдой.

В Минводах, когда страх от погони отхлынул окончательно, Серега с Санькой, взяв последнему билет на поезд, потащили Петра в привокзальный ресторан. А там, после третьей рюмки – он-то сам не пил, а только пригубливал, зато ребята опрокидывали по полной, – рассказали, в какую историю влипли. Собственно, и не влипли, а попали в отработанную схему.

Они оба служили солдатами-контрактниками в Чечне. Когда уволились, им, как и многим другим, не заплатили «боевые», деньги, что положено начислять за участие в боевых операциях и рейдах. Подали в суд, выиграли, и им по исполнительным листам выплатили полагающиеся суммы. Худо-бедно, а вышло почти по двести тысяч на каждого. А дальше все просто. Кто-то из финансистов части стуканул, когда они деньги получали, а может, и не финансисты

– мало ли кто мог знать об этом и в доле состоять? Видно, отлажена была схема проводов. «Богатеньких Буратино» уже ждали около проходной ребятишки на «Ниссане». Выручил прапорщик знакомый, дежурный по КПП. Подмигнул незаметно и глаза многозначительно скошил на джипер.

Поняли Серега с Санькой, что ситуация пиковая, наслышаны были о таких делах. Рванули назад, выбрались через хоздвор части и поймали машину. Но те ребята тоже не были лыком шиты. Просчитали пацанов и кинулись в погоню. Вот и достали их в скверике с бюстом поручика. Если бы не помощь Петра, кранты. Лишились бы они в лучшем случае денежек, риском и кровью заработанных, а при худом раскладе – так и лишние отверстия в черепушках могли приобрести – зря, что ли, «ТТ» за поясом тот парнишка таскал.

Вот такая история случилась. Кабы из ряда вон выходящая, так нет же, вполне обыденная в нашем Отечестве. И не за такие деньги нынче жмуrows кладут.

О себе Петр не распространялся. Сказал только, что после травмы частично потерял память, сейчас лечится, пытаюсь восстановить ее. Он помнил слова старого Джамала: «Не надо чужим рассказывать о своем горе, пытаюсь вызвать интерес или сочувствие. Тебе от этого лучше не станет, а они могут почувствовать себя обязанными и возненавидеть...»

Ребята чуточку насупились, сопереживая, но ненадолго – не в том возрасте были, чтобы жалость задерживалась в их сердцах, да и застолье не располагало к унынию. Пошли дальше под водочку захлеб воспоминания о службе, о былом житье-бытье на беспокойной земле горской, на чеченской войне...

На второй бутылке общение перешло в братание. Санька уже не ехал домой на курьерском, а двигался в гости к Сереге, который был почти что местным, жил в ста сорока километрах от Минеральных Вод. Через официанта они застолбили таксиста, который согласился за штуку целковых довезти ребят до Светлогграда. Эта инициатива, надо думать, и избавила их от неприятностей, что имели облик местных правоохранителей. Два патрульных милиционера дозором, как тот батяка Черномор со товарищи, пару раз заглядывали в ресторан, останавливая плотоядные взоры на разгулявшейся компании.

На третьем заходе у них случился диалог с водителем, уже получившим задаток и смирно ожидавшим у входа. Патрульные нахмурились несколько, однако перебивать клиентов не стали. Видимо, рвать кусок из чужого горла здесь было не принято, а может, и имели они с таксеров на кусочек черного хлебушка с маслицем. Куда тут денешься – интеграция мелкого бизнеса, корпоративные опять же интересы...

Когда Санька «после литры выпитой» совсем скис, Серега, еще не совсем потерявший ориентацию, дал команду на отчаливание из гостеприимной ресторации на историческую светлогградскую родину. Петр, хотя ребята во время распития упорно приглашали его с собой, от поездки отказался. Он не знал, что ему делать и куда идти после расставания с друзьями-однополчанами, однако «продолжения банкета» не хотел, не лежала к этому душа.

Они с Серегой подхватили разомлевающего, едва державшегося на ногах Саньку и повели к такси. У машины произошли, как и положено, клятвы в вечной дружбе, объятия и попытки лобзаний. Серега, более стойкий и еще мыслящий, сунул Петру в карман какие-то деньги, а попытавшийся соображать Санька нацарапал на фотографии, вытасченной из сумки, совершенно неразборчивым почерком адрес и строго приказал приезжать в гости. Он отдал фото Петру и, исчерпав последние силы, упал ничком на заднее сиденье «Волги», мгновенно вырубившись, но сохранив на лице счастливую улыбку.

На фотографии на фоне совсем близких гор с заснеженными пиками были сняты несколько человек в полной боевой форме – в касках, в бронежилетах, с оружием. Вот Санька стоит, а вот – Сергей...

Такси отчалило, оставив Петра в одиночестве у вокзала.

– Гражданин! Предъявите, пожалуйста, ваши документы, – неожиданно прозвучало за его спиной.

Он обернулся и оказался лицом к лицу с милиционерами, теми, кто давеча высматривал их в ресторане. Старший сержант – старший и по званию, и по возрасту, пылливо разглядывал Петра. Второй был совсем молоденьким, в еще не обмявшейся форме.

– Предъявите документы, – повторил старший наряда. – Что вы делаете на вокзале?

– Провожал ребят домой, – пожал плечами Петр.

– Да уж видели мы, как провожали. . . – скептически хмыкнул милиционер. – А сами куда направляетесь? Еще и в нетрезвом состоянии?

– Да я не пил, только пригубливал. Ребята, вот те от души расстарались.

Сержант и сам понял, что от клиента хоть и тянет водочкой, но к категории пьяных его не отнесешь. Однако сдаваться так с ходу правоохранитель не привык:

– А документы ваши? А что у вас в сумке?

Петр распахнул пакет и показал все тот же начатый батон и бутылку «Нарзана».

– Понятно, – качнул подбородком несколько расстроившийся сержант и, внимательно присмотревшись, потянул из рук Петра бумажку, которую ему вместе с фотографией вручил пьяный Санька.

– Вы едете куда-то? – развертывая ее, спросил милиционер.

Петр промолчал, разглядев в его руках билет на поезд, который они перед походом в ресторан купили Саньке. Сержант внимательно прочитал, что в нем написано, кинул взгляд на часы, и его брови полезли вверх.

– Гражданин, вы о чем думаете? До отхода поезда осталось две минуты, а вы и в ус не дуете.

Похоже, общественное в душе сержанта взяло верх над личными мотивами. Да, собственно, и особого толку от этого типа не предвиделось. В вырезатель с легким запахом не отправишь, ведет себя спокойно, видимо, никакой вины за собой не чувствуя. Опять же прибытку от него, а глаз у сержанта был наметан, не намечалось. А тут и билет в наличии, по вокзалу шляться не будет, и, хоть это в обязанности не входило, заботу можно проявить о рядовом гражданине. Молодой, опять же, рядом, уму-разуму набирается. Пусть видит в наставнике не только строгость, но и справедливость. Что там у нас на эмблеме – не один меч, но и щит присутствует?

– Ну-ка, гражданин, дуйте срочно на перрон. Вагон у вас четвертый, нумерация с головы поезда, это, значит, в ту сторону шагать. Вон уже и по громкоговорящей объявляют, что Новокузнецкий через минуту отходит. Поспешайте, а то от поезда отстанете. Коляня, проводи-ка товарища.

Петр, сопровождаемый молодым милиционером, послушно и поспешно двинулся в указанном сержантом направлении. Вот и до вагона под номером четыре с белой табличкой на боку «Кисловодск – Новокузнецк» добрались. Проводник уже в тамбур залез, к отправлению готовится.

Мельком глянув в билет, проводник кивнул Петру головой:

– Заходите, ваше место сорок пятое, нижнее, боковое.

Он успел только зайти в вагон, как поезд мягко качнулся и неспешно поплыл от вокзала.

Глава 3. От перрона до «Анапы»

В вагоне не было ни душно, ни людно. Сентябрь ладно поддавал через щели свежий воздух, а народ то прибывал, потихоньку наполняя отсеки и тамбуры, то как-то разом освобождал места, выплескиваясь на крупных станциях. Купейные вагоны поезда, пересекающего почти треть России от солнечного Кисловодска до сурового седого Урала, занимали большей частью отдыхающие, возвращающиеся с лечебных вод. Плацкартные же удобства предпочитал народ попроще и поделовитее. Из разговоров можно было определить, что одни стремились в командировку, другие, наоборот, возвращались из поездки по служебным делам; кто-то проезжал всего пару-тройку остановок, в кои-то веки выбравшись в гости к близким и дальним родственникам, кто спешил на свадьбы, что по осени играют, а кто и на похороны. Детей, за исключением совсем малых, не везли – всех уже от дедушек-бабушек с отдыха домой вернули и в школы нарядили знаний набираться.

На верхнюю полку в отсек Петра за время пути так никого и не подсадили, поэтому он ехал в относительном одиночестве и комфорте, то есть не упираясь глазами и коленями в глаза и колени соседа. Так и передвигался он по «необъятной и многонациональной» в роли неприметного и вполне стандартного пассажира не менее стандартного плацкартного вагона. А куда и зачем? Этого ни он не знал, ни кто другой подсказать не мог.

В Санькином билете был определен конечный пункт путешествия по «железке», название которого ему ничего не говорило: Серовск. В расписании, которое Петр внимательно изучил, там значилась сорокаминутная стоянка поезда, подразумевающая, что в составе меняют тепловоз, а значит, и станция немалая, видимо, узловая, из чего следовало... Да ничего из этого не следовало! Потому что Петру было совершенно безразлично, куда и зачем он едет. Он плыл по течению жизни, брошенный в ее стремнину старым чеченцем, хладнокровно ожидая, куда оно вынесет.

Чем станет на его пути Серовск – тихой заводью, кладбищем затонувших кораблей, а может, очередной отметкой на карте, отмелью, как недавний скверик с бюстом поэта? Волна выбросит на песок да тут же и подхватит, понесет дальше... А может, песок тот зыбучим окажется, засосет по грудь, по горло, с головой утянет? Время покажет!

Деньги, что Серега при прощании ему в нагрудный карман засунул «от щедрот своих», Петр пересчитал и аккуратно переложил во внутренний. Триста пятьдесят рублей, немного, но при его безденежье протянуть с десятков дней хватит. Он не стал брать постель, на что проводник презрительно скривился и предупредил строго, чтобы пассажир не вздумал спать на голом матраце, а ехать-то две ночи. Но зря деньги тратить на пустое не хотелось. И сидя подремать можно, да и стол развернуть и уложить в полку полумягкую, а вместо подушки ботинки, покрытые все тем же пакетом пластиковым, под голову подсунуть – и спи спокойно, дорогой товарищ.

Он без особых затруднений вспомнил, что такое денежные знаки и зачем они нужны. А главное – врубился, что денег всегда мало и их надо беречь. И совсем по теме подслушал шутку в разговоре попутчиков, как старый и мудрый еврей сказал, что денег много не бывает, а бывает много камней в почках и бедных родственников у жены. С камнями в почках и женой у него проблем не возникало – их просто не было, а вот дензнаки Петр экономил как мог.

За всю дорогу он потратился только на анальгин, взяв его про запас в привокзальном аптечном киоске, а когда батон закончился, прикупил буханку хлеба. Да еще в Котельникове на рыбном базарчике разохотился на котлету из сазаньей икры – недорого и питательно, сплошной белок. Вот и все расходы. А в бутылку из-под минералки Петр из вагонного титана воды кипяченой налил. Так и ехал в тепле и достатке, потихоньку хлебушек грызя, водичкой запивая

да в окошко на природу любуясь, на поля, чисто убранные, перелески да полосы лесозащитные, уже местами подернувшиеся желтизной и увяданием ранним осенним.

Окраинные пейзажи Серовска, значившегося конечным пунктом в билете, потянувшись вдоль железнодорожного полотна, ничем не отличались от подобных же картин других городов. Вначале по обочинам замелькали тощие пустые огородики с частоколами из всевозможного мусора и металлолома. На смену им поднялись бетонными оградами захлапленные хоздворы и мехплощадки, смахивающие больше на кладбища ржавеющей строительной и дорожной техники, перемежающиеся с тыльными стенами массивов частных гаражей и автостоянками. И везде на бетоне и на кирпичках в выцветшем граффити можно было изучать историю последних десятилетий – от политизированных «Слава КПСС (КПРФ, ЛДПР, СПС и т. д.)!», уже совсем забытых горбачевских «Гласность и перестройка» с тремя жирными восклицательными знаками, множественных «Голосуйте за...» и «Имярек – наш кандидат», до игривого «Моника, ты наша надежда!» и задумчиво-философского «Чубайс, сволочь, включи рубильник и вешайся!». Пара вечных, как мир, «Маша (Оля, Света), я тебя люблю!» погоды не делали, однако умиляли.

Ближе к станции на передний план по-хозяйски выдвинулись железнодорожные сооружения, такие же грязные и малоухоженные, как и окраинные мехдворы. Состав пошел совсем медленно, стуча и переваливаясь на входных стрелках. Как-то быстро и незаметно поднялся к окну, и поплыл перрон с редкими встречающими, а за парой рельсовых провалов – поезд подали не на первый путь – вздыбился шпилем вокзал старой постройки, увенчанный лениво обвисшим на безветрии триколором.

Петру спешить было некуда. Он подождал, пока мимо него пройдут и протаскают багаж пассажиры, выходящие в Серовске, подхватил пакет и двинулся следом. Выйдя на перрон, Петр протиснулся мимо столпившейся у дверей вагона радостно гомонящей группы приехавших-встречающих и огляделся по сторонам. Его окружал мир одновременно и незнакомый, и вполне стандартный, такой же, как и на других станциях, мимо которых он проезжал, где выходил и прогуливался по перронам.

Народ потихоньку преодолел броуновскую суету первых минут прибытия и потянулся направленным ручейком к подземному переходу, торчащему будкой посередине перрона, над которой висела вывеска «Выход в город». Ему, наверное, надо было шагать следом за всеми туда же, однако что-то не давало это сделать. И это самое «что-то» скоро превратилось во вполне объективную реальность – милицейский патруль, занявший пост сбоку у дверей и наблюдающий за входящими в переход.

Петру даже почудилось, что милиционеры из Минеральных Вод примчались следом и ждут его, чтобы еще разок задать все тот же вопрос о документах, на который так и не получили ответа. Сходство с этими, серовскими, было не внешнее и не в том, что на них была надета та же мышьяная форма, а наверное, чисто возрастное. Сержант и там, и здесь, выглядел постарше, лет тридцати пяти, и второй, рядовой, был совсем молодой, видимо, недавно пополнивший «ряды», в новом, еще совсем не обмятом обмундировании. Выходило один в один с нарядом на вокзале в Минводах, вот только он никуда не уезжал, а прибыл в их владения, что несколько меняло ситуацию.

Петр провел ладонью по щеке, заросшей четырехдневной щетиной. Последний раз он брился в доме родственников дедушки Джамала, еще в Ингушетии, и зарос основательно. С такой физиономией, в измятом за дорогу камуфляже, без документов лезть в объятия правоохранителей было вовсе безрассудно. Да и парочка, стоящая рядом с вагоном у столба, выбравшая его ажурные металлические перекрестья для прикрытия, только утвердила Петра в его сомнениях.

Обличье мужика было еще более потрепанным, чем у него самого. Мешки под глазами и бабья одутловатость лица выдавали давно и упорно пьющего гражданина, что подтверждал и

густой свежий перегар, бьющий на поражение с трехметровой дистанции. Одежка его выглядела поношенной, но не грязной, а щетина была, пожалуй, покорооче, чем у Петра. Женщину издали хотелось бы назвать миловидной, но вблизи все та же одутловатость и совершенная неопределенность возраста – ей можно было бы дать и тридцать лет, и сорок – выдавали предпочтения в жизни, полностью совпадающие со страстями ее спутника.

Тот тоже колебался во времени, правда, в категории от сорока до пятидесяти. Можно было сделать вывод, что парочка явно не вчера ушла в плаванье по морю зеленого змия, хотя и не окончательно утонула в его волнах.

– Пошли отсюда, а то опять Унтер нас заметет и в камеру определит, – сказала женщина и потянула мужчину за собой. – Через мост уйдем.

Петр посмотрел в противоположную от подземного перехода сторону и увидел мост, переброшенный через пути. Маршрут отступления определился, и он без особых сомнений пристроился в кильватер рвущемуся к свободе тандему. Похоже, данные гуманоиды, как и он, не спешили в объятия той, что «нас бережет». Странно, но, кроме нежелания встречаться с милицией, Петр как-то совсем несложно, словно уже имел опыт, просчитал вполне определенную перспективу, некую полезную схемку, связанную с парочкой, за которой шагал по перрону.

Женщина несколько раз оглядывалась, сначала определяя, нет ли за ними милицейской погони, а потом уже подозрительно посматривая на Петра, севшего им на хвост. На мосту они свернули влево, уходя дальше от вокзала, а пройдя его и спустившись, завернули под пролет к забору, отгораживающему пути. Петр также зашел под мост и остановился в трех шагах от них.

– Кока, этот козел за нами идет с самого перрона, – громко, так что Петру было все слышно, зашептала спутнику женщина. – Он за нами следит. Это наверняка мент. Он нас сдаст...

Мужчина, несмотря на явно большее подпитие, а может, именно и благодаря ему, на окружающее смотрел проще и благодушнее.

– Какой он, к хренам, мент, Валентина? Посмотри на его фейс. Таких самих в ментовку метут рядами и колоннами, – окинув взглядом Петра, доверительно сообщил женщине Кока.

И, уже обращаясь к нему, хотя женщина дергала за рукав, спросил:

– Мужик, тебе чего надо? Если выпить, так мы на мели. Улов, видишь, нулевой.

Он тряхнул в руке тощую болоньевую сумку, в которой сиротливо звякнули две пустые бутылки. Затем на секунду задумался и с надеждой во взоре, но с сомнением в голосе спросил:

– А может, ты, корешок, нас угостишь? Мы не откажемся, не волнуйся. Заодно и познакомимся.

Насчет того, что Кока, как назвала его женщина, волнуется и тем паче откажется от выпивки, да еще на халяву, мысли не возникло. Когда Петр, не говоря ни слова, вытащил из кармана три червонца и вручил мужику, лицо того сделалось серьезным и отстраненно-возвышенным. Передавая даме по эстафете купюры, изящно зажатые между вытянутыми средним и указательным пальцами, Кока резко бросил подбородок вниз, только не щелкнув каблуками, представился сам и представил спутницу:

– Честь имею, Николай Крайнов, некогда кандидат технических наук, без пяти минут доктор, волею злых судеб брошенный в водоворот жизненных обстоятельств. Для друзей – просто Кока. Подруга моих невзгод Валентина.

И, тут же возвратившись на круги своя, с удивлением воззрился на женщину:

– Валюша, солнышко мое, выйди из комы! Стрелой в ларек – одна нога здесь, вторая там, а затем то же самое, но в обратном порядке. В нашем деле главное – быстрота движений и натиск. Последнее особенно ценил великий русский полководец Суворов.

Кока поднял глаза на щедрого дарителя и, обдав густым застарелым перегаром, несколько витиевато спросил:

– Разрешите, естественно, если подобные сведения не являются великим секретом, поинтересоваться, как зовут вас, мон шер ами? Как-то неудобно...

– Прошу прощения, что не представился сразу. Съе ле секрет де полишинелле – это не более чем секрет полишинеля. Меня зовут Петром, мсье Кока.

Слова на французском вырвались и сложились во фразу как бы автоматически, в ответ на «дорогого друга», которым он был удостоен. Данное открытие его самого, в общем-то, не удивило. Петр просто принял к сведению, что язык ему знаком. Правда, не настолько, чтобы он вдруг был для него родным или же Петр владел им в совершенстве – мог понять сказанное, тем более на бытовом уровне, ответить и даже немного пообщаться. Более тщательно анализировать свои знания он не стал, а только принял их к сведению. Ему сейчас очень многое, если не сказать все, приходилось вспоминать, узнавать, расставлять по своим местам, анализировать, систематизировать...

Зато на Коку его ответ произвел достойное впечатление. Может, менее глубокое, чем выданный щедрой рукой тридцатник, однако же в комплексе с ним Петр занял свое место в таблицы о рангах, и оно явно было не в конце списка. Кока еще раз бросил вниз подбородок:

– Счастлив встретить интеллигентного, каким и имею честь быть сам, человека. Увы, судьбой поставлен в рамки... Ну, вы, наверное, понимаете... Все в прошлом – непризнание коллег и начальства, черная зависть и искреннее неприятие окружающего хамства. Увы, как это ни горько произносить, но я сегодня почти смирился с собой и жестоким миром.

– Да, понимаю и принимаю. Erouvantage – это ужасно! – вполне естественно вырвалось у Петра. – Сам, можно сказать, прошел через горнило, через тернии...

Откуда взялись эти горнило и тернии, как и относительно свободный французский, было загадкой, а вот зачем он вешает Коке лапшу на уши, Петр стал понимать. Появилась если не определенность, то какая-никакая цель. Хотя почему никакая? Город чужой, где заночевать хотя бы на первую ночь – вопрос немаловажный. А здесь подсознание сработало, выбрав в попутчики эту живописную пару. Судя по одежде, они не в колодцах на трубах ночуют, а обитают на цивильной жилплощади. Поэтому вопрос с ночевкой, считай, решен.

Физиономии опять же у этих граждан не вусмерть пропитые и по типуажу с образцами Ломброзо не схожи. За копейку, глядишь, ночью и не удавят. Да и Кока говорит про без пяти минут доктора, что вполне может быть и правдой. Исходя из словарного запаса, образованием товарищ явно обременен. А следовательно, дружить с ним можно – немножко так... Вот еще бы с его «солнышком» Валентиной общий язык найти, и тогда идиллия была бы полной. Да что-то не очень получается. Невооруженным глазом видно, что баба она стервозная.

Дама сердца интеллигента возвратилась очень скоро, видимо, памятуя про одну ногу здесь и другую там, а может, просто ввиду близости ларька, несколько запыхавшаяся, но умиротворенная. В руках «солнышко» крепко держала две бутылки с прозрачным содержимым и желтоватой этикеткой, на которой разлапистой надписью читалось название «Анапа». У Петра данный бренд не вызвал в памяти никаких эмоций – ни положительных, ни отрицательных, а лишь любопытство. Водка, которую он пил с ребятами в привокзальном ресторане, как-то сразу оживила в памяти вкус и ощущения, из чего следовало, что в прошлой жизни она была им употребляема. А вот «Анапа» почему-то не заняла должного места в подкорке. Но все это были лишь его предположения и ничего более.

Валентина нерешительно перевела глаза с одного мужчины на другого, пытаясь определить, кто из них сейчас командует парадом. Кока, конечно, был для нее роднее и ближе, можно сказать, в авторитете, однако же деньги пришли от небритого мецената с поезда. А опыт в таких делах подсказывал, что за неправильное поведение можно и по сусалам схлопотать. Под левым глазом у нее еще бледнела желто-салатная тень от несомедшего синяка. Но опасения дамы оказались беспочвенными. Выбор остался за Кокой, посчитавшим, что знакомство состоялось и они, как люди интеллигентные, уже на короткой ноге.

– Ну что, Петруша, не будем тянуть кота за хвост, лучше потянем удовольствие. Давайте-ка глотнем по каплюшечке в данной реальности антисанитарии, чтобы планку поддержать, а продолжим бал в более уютном местечке.

Петр не возражал. И особенно по поводу уютного места. Его ожидания оправдывались – с ночевкой вопрос, похоже, решен. Кока, чуть приплясывая от нетерпения, изящным круговым движением сорвал с бутылки металлическую пробку. Его уже заметно дрожащая рука привычным махом повела горлышко к губам, однако воспитание в последний момент все же дало о себе знать. Он усилием воли отстранил от себя бутылку и трагическим театральным жестом протянул ее Петру:

– Первый глоток, как первая брачная ночь, свят. Предоставим его гостю. Верно, Валюша?

Согласия дамы, в общем-то, не требовалось, но условности в приличном обществе оставались условностями, и их надо было соблюсти. Петру совершенно не хотелось глотать бодягу неизвестного розлива с размашистым названием «Анапа», однако для закрепления дружественных отношений совершить это было необходимо. Под жадным взглядом Коки и все еще недоверчивым – «солнышка» Валентины он сделал пару небольших глотков. Вино, на удивление, оказалось не столь уж противным, хотя и шибало в нос перегнившими яблоками.

Далее бутылка перешла в руки Коке. Тот, присосавшись, единым махом вылил в себя как минимум треть содержимого. Он выпил бы и больше, однако опытная Валентина, посчитав дозу, принятую Кокой, достаточной, отняла у него бутылку. Дама сделала несколько глотков, употребив «Анапы», естественно, побольше, чем гость, но чуточку поменее, чем сожитель. Скромность и знание меры украсило женщину. Да и вино ей брызнуло на желтушные щеки, прибавив капельку румянца и живости.

Кока помолчал с минуту, прислушиваясь к организму. «Анапа» сделала свое дело, восстановив утраченную свежесть и тягу к жизни, прибавив блеска в глаза и веселости. Похоже, для проспиртованного организма и не слишком большая доза была достаточно оптимальной и еще более – оптимистичной.

Кока приобнял Валентину, кинув незамысловатый комплимент насчет ее привлекательности, чем привел даму в крайне приятное смущение, заставив потупить ресницы и бросить пару кокетливых взглядов на мужчин. Подозрительность ее по отношению к Петру, похоже, ушла, хотя и не до конца. Он еще чувствовал недоверие и настороженность Валентины, но не в крайних формах, а по-легкому – в жестах и интонациях.

Полководческий клич Коки призвал команду не расслабляться и продолжить начатое в стационарных условиях в соответствии с ранее намеченным планом. Они выдвинулись из-под моста как нельзя вовремя. Валентина испуганно ойкнула и, подхватив размякшего Коку под локоть, повлекла за угол стоящего торцом одноэтажного здания. Недоумевающий Петр поспешил за ними. С лестницы послышался негромкий издевательский свист. Он кинул туда взгляд и увидел на верхнем пролете спускающихся с моста патрульных милиционеров, тех, что дежурили на перроне у подземного перехода.

Петр прибавил шагу и почти догнал семенящих трусцой Коку с Валентиной. Они заскочили за здание, оказавшееся магазином, и шустро перебежали через махонькую площадь, окруженную всевозможными ларьками. Здесь парочка сбавила ход, а очутившись под кленами, совсем остановилась, поджидая Петра.

– Ушли от Унтера, – радостно сообщила Валентина. – Немного бы задержались под лестницей – и повязали бы они нас.

– А что это за «унтер» такой? – поинтересовался Петр.

– Это сержант Женька Волобуев из транспортной милиции, что вокзал охраняет. Нас раза четыре уже вязал, гадина, – доложила Валентина. – Мстит мне, собака. Я с ним в школе училась годом младше. Он еще до армии за мной пытался ухлестывать. А когда вернулся, я уже замужем была. Не за Колей, конечно, за другим. Вот он и достает меня.

У Петра были сомнения в крайней мстительности Жени Волобуева по прозвищу Унтер. Скорее всего, сержант всего лишь бдил порядок на своем участке и совсем не помышлял об интифаде по отношению к бывшей подружке, тем паче в нынешнем ее положении. Но он сочувственно покачал головой. Мол, вона как повернулось дело, ах, Женька, ах, змей семибатушный! Ночлег-то надо отрабатывать.

– А что мы остановились? – вдруг забеспокоился Петр. – Смотрите, они из-за угла вышли. Заметут...

– Здесь Унтер нас брать не будет. Магазин и площадь – территория транспортников, а эта сторона уже к муниципалам относится, – авторитетно сообщил Кока и взял под козырек, которого не было, отдавая честь стоящим на противоположном тротуаре патрульным. – Здравия желаю, господа милиционеры! Увы, наше свидание сегодня сорвалось. Адью, мсье ажаны!

Сержант Волобуев с грозной кличкой Унтер неодобрительно качнул головой. Его взгляд, мельком скользнув по Коке и Валентине, остановился на Петре. Ну что же, вот и состоялось знакомство, хотя и на расстоянии. Петра – с представителем местной власти, власти же – с новым лицом, отметившимся на ее территории.

Квартира, куда привели Петра его новые знакомые, находилась неподалеку от вокзала, всего в квартале. Серая панельная пятиэтажка встретила их неодобрительными взглядами троицы старушек, сидевших у подъезда. Узкая лестница с протершимися до арматуры ступенями привела на третий этаж к облупленной двери с множеством фанерных заплат на месте выломанных замков. Один все же был на месте и работал. Изнутри, правда, он ключ не принимал, и дверь запиралась на засов.

Сама двухкомнатная малометражка была очень похожа на своих хозяев: не грязная, но захламленная, какая-то неуютная и потрепанная. Престарелая мебель лезла ободами пружин из дивана и потертых кресел; перекосившиеся дверки горки держались только на верхних петлях и были готовы оторваться в любую секунду. По подоконникам лежало всяческое барахло, провода, какие-то платы, паяльники, книжки. Кухня была не лучше – с немойтой посудой в раковине с обитой эмалью, крошками на застеленном изрезанной клеенкой столе и грудой пластиковых бутылок в углу за плитой.

По дороге Петр купил в ларьке станок для бритья с набором одноразовых лезвий и банку тушенки. Надо было привести себя в порядок и подкрепиться. Он не был уверен, что Кока с подружкой имеют дома продовольственные запасы и тем более собираются угощать своего гостя. Однако ужинать они все же собирались. В ванной стояло полмешка картошки, к которой тушенка оказалась как нельзя кстати.

Добив по кругу первую бутылку «Анапы» в таких же неравных пропорциях, как и под мостом, все занялись своими делами. Валентина отправилась чистить картошку. Петр зашел в ванную, чтобы помыться с дороги и соскоблить с физиономии надоевшую уже щетину. Осоловевший же Кока прилег после «трудов праведных» на диван.

После водных процедур Петр вернулся в комнату и присел в кресло. Неожиданно он почувствовал прикосновение мягкой лапки к затылку. Сегодня это было, на удивление, только второе ее посещение. Позавчера и вчера она четырежды настигала его. Петр вытащил из кармана облатку анальгина, выдавил две штуки, стандартную дозу, кинул в рот, разжевал и откинулся головой на спинку кресла. Он не стал запивать лекарство. Почему-то последние дни ему стало казаться, что эта горечь во рту ускоряет действие анальгина, хотя, вероятно, она просто отвлекала на себя часть боли.

Вот и сейчас боль накатила мощной волной, сначала сдавив стальной хваткой шею, постепенно наползая на затылок, а потом и виски. Он практически ничего не слышал и не ощущал. Открывая беззвучно рот и размахивая руками, Кока, не заметив потери слушателя, все извергал поучения воинствующего интеллигента. Держа в руках дымящуюся кастрюлю, в дверях кухни появилась Валентина. Радостное, в предвкушении очередной порции винища,

лицо одного, все еще хмурое – другой, разлитая в щербатые чашки «Анапа», обращение к нему, тревожное переглядывание...

Словно бы он смотрел немое кино с заезженной донельзя пленки. Будто через поцарапанную оптику доходили до Петра отдельные кадры, жесты актеров, которые никак не связывались воедино и не воспринимались воспаленным мозгом. На что хватило его, так только слабо махнуть рукой, успокаивая хозяев.

Но и боли приходит конец. Она потихоньку стала отпускать, медленно освобождая сознание. Наконец вернулись слух и речь.

Первое, что он услышал, были слова Валентины:

– ...говорю, точно припадочный. Он нас ночью придушит.

– Не волнуйтесь, не собираюсь я вас душить, – еще слабым голосом попытался успокоить ее Петр. – У меня просто периодически бывают очень сильные головные боли.

– А я откуда знаю, периодические они или не периодические? – зашипела Валентина. – Не придушишь, так башку проломишь. Явился на нашу голову инвалид хренов!

– Да заткнись ты, дура! – решительно вмешался Кока. – Человеку и без твоего занудства плохо. То он у тебя мент, то Джек Потрошитель – достала уже! У нас есть что выпить, картошечка с тушенкой поспела, а мы мозги друг другу парим. И тост как раз по теме созрел: «За здоровье!» Не куражу ради употребляем ее, проклятую, а лишь здоровья для.

Кока с Валентиной дружно выпили, Петр отказался, сославшись на немочь. Его особо не принуждали, приняв за основу тезис «самим больше достанется». Закусили картошкой, перемешанной с тушенкой, которая практически растворилась в общей массе. Остался только запах, причем более всего пахло лавровым листом, да изредка на зуб попадали совсем уж сиротские волоконца мяса.

Хозяева выпили еще по полчашки, усердно доскребли в кастрюле картошку и перешли к десерту – остаткам все той же «Анапы», употребляя ее малыми глоточками и без закуски.

Валентина, быстренько допив свою долю, ушла на кухню греметь посудой, бурча что-то себе под нос. Кока совсем поплыл. Лицо его сделалось многозначительным, и говорить он стал больше намеками и загадками, которые сводились к одному: скоро все изменится, он станет донельзя богатым, бросит пить, ну если не совсем, то хотя бы эту «червивку». Дальше его фантазии не шли. Свое резкое возвышение и обогащение Кока, по не совсем скромным собственным оценкам, связывал с личным интеллектом, а если точнее – гениальностью. Он пару раз, потупя глазки, так и выдал:

– Петя, я гений. Меня можно сравнить с Эйнштейном, хотя нет, пожалуй, с Эдисоном. Впереди ждет признание и слава...

Добыв с захламленного подоконника серую затертую картонную папку с завязками и надписью «Дело», он начал совать под нос гостю какие-то электронные схемы, мудреные чертежи и расчеты. Кока бил себя в грудь и воинственно кричал, что теперь-то они, бездари, поймут, кто он такой, Николай Крайнов, будут локти кусать от зависти и бессилия, ан поздно, голубчики, поезд ушел! И совсем не в конструкции аппарата дело, хотя его гений и опередил всех на двадцать, нет – на тридцать лет. Главное – методика, фундаментальные исследования... Нобелевская премия, считай, в кармане...

Валентина шипела и обрывала его, но Кока был неумолим – он Эдисон и никак иначе, и снова показывал Петру чертеж очень странного аппарата, похожего на космическую станцию, только без крыльев – солнечных батарей. Чтобы утихомирить гения, Петр скрепя сердце выдал хозяйке денег еще на пузырек «Анапы», благо дежурный ларек имелся в двух шагах от дома. В результате, бессовестно выжрав еще полбутылки вина, «Эдисон» наконец утихомирился и заснул.

За окнами стало совсем темно. Петр помог злобно бурчащей под нос Валентине перетаскать хозяина в соседнюю комнату и уложить на скрипучую кровать с никелированными

шишечками. На улицу гостя не гнали, что ему и требовалось. Не раздеваясь, Петр улегся на диван, повозился, устраиваясь между пружинами, и крепко заснул. День прожит.

Глава 4. В объятия Унтера

Темнота плавала бесформенными клубами, противно касаясь лица и рук мокрыми рваными лохмотьями. Иссиня-черное облако мазнуло лапой по щеке, едва не вызвав приступ рвоты, а другое, чуть посерее и злее, завилось вокруг ног, сделав их совсем недвижимыми. А тот пляшущий в нетерпении клубок, мягко крадущийся к нему, совсем уже светлый, почти прозрачный, неожиданно стал распадаться на мелкие перистые клочья. Казалось, вот сейчас мрак расступится, и в глаза брызнет яркий поток сверкающих солнечных искр. Он хотел помочь, рванувшись навстречу, хотел раздвинуть, разогнать ладонями темноту, но руки не повиновались, сделавшись неподъемными и чужими. Ни единый проблеск света не прорвался сквозь мерзость тьмы. Только чье-то несвязное бормотание сумело пробить вязкий мрак – жалобное и негромкое...

Сбросив с себя остатки неприятного сна, Петр открыл глаза. Реальность явила за окном серый рассвет, храп и сонное бормотание Коки. Петр был не прав вечером, предполагая банкет законченным второй бутылкой «Анапы». Где-то ближе к полуночи в дверь стали колотить громко и смело, совсем-таки по-хозяйски, взывая к совести и разуму Коки. Пара мужиков обличьем в «гения», с трудом стоящие на ногах, с радостным шумом ввалились в квартиру, победно потрясая литровой бутылкой с чем-то мутным, белесым и малоприятным на взгляд. Вскрытая тут же пробка дала волю разлившемуся по комнатам резкому сивушному запаху.

«Самогона, – услужливо выдал из подкорки мозг, которому Петр тут же и посетовал: – Как вспомнить что нужное, так проблемы неразрешимые, а как первач определить, так на, пожалуйста...»

Распитие самогона Кокой, Сеней и Дуней – последний был переименован из Даниила не в качестве нетрадиционной ориентации, а чисто по дружбе – с беседами и клятвами в любви продолжалось часа полтора.

Когда Кока вырубился окончательно, а Валентина, которой наливали поменьше, предельно изошла на желчь, усталый и трезвый Петр развел компанию. Коку уложили в постель с помощью сожигательницы, а Сеню с Дуней Петр сгреб в охапку и выкинул за дверь, придав им соответствующее ускорение.

Получив еще и краткое, но грозное напутствие, они недолго поматерились в подъезде и, аки странствующие по пустыне бедуины, побрели в неизвестность и мрак ночи.

Утро явило неприглядную картину. Кока был более похож на медузу, выброшенную на горячий песок, Валентина крысилась на Петра. Ему пришлось выдать ей двадцатку на приведение в порядок сожигателя, после чего они отправились в город. Аборигены – на поиски средств к существованию, то есть пустых бутылок, а Петр – прогуляться и осмотреться.

Путь сладкой парочки и двигавшегося за ними в кильватере Петра был прост, нетороплив и скучен. От ларька к ларьку, от урны к урне, от мусорного бака к мусорному баку; переход через квартал и снова от ларька к ларьку... Пара перебранок с такими же «искателями счастья» интереса не прибавили.

Петр, конкретно не участвующий в поисках тары, решив хоть чем-то быть полезным, взял на себя роль держиморды. Он приближался к конкуренту и, задав несложный вопрос: «Те чо надо?» – сам же и подытоживал: «Вали отсюда, придурок!»

Соответственно, претендент на место под солнцем, видя такую серьезную поддержку, ворча под нос неслышные угрозы, удалялся. В конце концов, когда сумки у Коки и Валентины весьма приятно запузатились от бутылок, они отправились в обратный путь. Валентина сегодня как-то особенно злобилась на Петра, на что тот, уже привыкший к ворчанию, не обращал внимания. Монолог про непрошенных гостей, которые свалились на голову и на халяву чужую жилплощадь занимают, едва закончившись, повторялся еще и еще раз. Валентина ныла, пока они

шли до железнодорожного моста. И на мосту ныла, примерно до середины. А там она ткнула пальцем вниз на перрон, где около урны стояла пустая пивная бутылка. Ее голос неожиданно сделался добрым и ласковым.

– Петенька, – проворковала Валентина. – Ты не сходишь за бутылочкой, а то нам всем спускаться, подниматься...

– Хорошо, схожу, – согласился Петр, не чувствуя подвоха.

Он сбежал по лестнице и нагнулся к бутылке. Неожиданно его глаза уперлись в выдвинувшиеся из-за опоры моста две пары казенных, с высокими берцами ботинок, таких же, как и у него самого. Только его были спрятаны под штанинами, а в чужие были заправлены брюки мышинного цвета, а над ними болтались пристегнутые к поясу черные резиновые дубинки.

Петр понял, что Валентина подставила его, как пацана. Он кинул взгляд на мост и поймал прощальный издевательский взмах ее руки. Зачем «солнышку» было избавляться от кредитоспособного гостя, да еще так подло, понять было сложно. Но что случилось, то случилось.

Легендарный Унтер, он же представитель доблестной милиции на транспорте, о чем свидетельствовала нашивка на рукаве и бляха на груди, отработанным усталым жестом поднес руку к матерчатому козырьку серой форменной кепки и представился:

– Сержант Волобуев. Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

Петр пожал плечами:

– У меня нет документов.

– Тогда нам придется пройти в отделение, – милиционер показал на двери подземного перехода. – Двигаемся вон туда.

Отделение линейной милиции располагалось справа от вокзала в одноэтажном здании с решетками на окнах. Унтер и молодой милиционер завели Петра в большую комнату, где стояли два стола за перегородкой. За дальним сидел лейтенант и что-то писал. Он поднял голову, бросил на стол ручку и поднялся.

– Как раз кстати явились. Я добегу до кафешки, перекушу. Если будут спрашивать, вернусь минут через двадцать. Без меня справитесь?

– Да уж как-нибудь перебедаем, – улыбнулся в ответ сержант. – Шагай вон туда, к скамейке, – последние слова были адресованы задержанному.

Петр подошел к деревянной лавке и остановился в ожидании. Он почему-то не испытывал ни малейшего волнения от того, что попал сюда. Не хотел, но так уж случилось – вот, пожалуй, и все мысли, которые посетили его по этому поводу. И еще неизвестно откуда пришло знание, что в данном присутственном заведении надо вести себя спокойно и чинно и попусту не перечить его хозяевам.

Напарник сержанта близко наклонился к его лицу, принялся и разочарованно доложил:

– Похоже, трезвый. И перегаром вроде не тянет.

Унтер удивленно дернул бровью и скомандовал задержанному:

– Выложить все из карманов и расстегнуться.

Петр молча достал и положил на скамью то небольшое, что у него было: початую упаковку анальгина, оставшиеся деньги и фотографию, подаренную в Минводах Санькой.

– Все... – коротко доложил он милиционерам.

– Не густо, – констатировал Унтер и, заинтересовавшись, взял в руки фотографию. – Осмотри его, Дима.

Молодой несильно ткнул Петра дубинкой в грудь и грозно, смешно сдвигая брови, начальственным баском прикрикнул:

– Расстегивайся побыстрее.

Он пробежал пальцами по карманам, по швам брюк и куртки, распахнул ее и удивленно присвистнул:

– Товарищ сержант, гляньте-ка сюда! Похоже, огнестрел!

Унтер повернулся к задержанному и наморщил лоб, увидев перечеркивающие грудь четыре безобразные отметины. Молодой еще больше отвел в стороны полы куртки:

– А вот еще сбоку и вот... Но это резаное... еще от пули... И мышца накачанная, как у Рэмбо!

– Откуда у тебя такое богатство? – внимательно оглядев задержанного, спросил сержант.

– Не помню, – пожал плечами Петр.

– Как это не помнишь? – изумился Унтер.

– Вот так и не помню. Совсем ничего... – спокойно сказал Петр и потянулся рукой к голове.

– Стоять! Не двигаться! – крикнул было молодой милиционер, махнув дубинкой, но, увидев, что задержанный просто коснулся пальцами волос на затылке, осторожно осмотрел его сзади.

– И в голове тоже дырка... – совсем растерянно сообщил он напарнику. – Ваше отпад... Явно рецидивист.

– Это у тебя в голове дырка, юноша, – буркнул сержант.

Он еще раз глянул на фотографию, поднял глаза на Петра и более утвердительно, чем вопросительно, произнес:

– Чечня?

– Наверное, – согласился Петр. Он тоже предполагал, что на фотографии стоят друзья Саньки и Сергея по службе в Чечне.

– А где ты там был? – испытующе глянул на него Унтер.

– Рошни-Чу, Шалажи, Ачхой-Мартан... – перечислил Петр то, что помнил, те селения, через которые они пробирались с дедушкой Джамалом.

– Юго-запад Чечни... – знающе констатировал сержант.

– А он сам, случайно, не чеченец? – неожиданно выдвинул версию молодой. – Вдруг террорист?

– Сам ты «чех» бестолковый. Тех я хорошо знаю, посмотрелся. Не мешай, – отмахнулся от него Унтер и недоверчиво спросил у Петра: – Неужели так ничего и не помнишь?

– Ничего, – подтвердил он уже сказанное раньше.

– Это из-за головы? Из-за травмы?

– Да, из-за травмы, – эхом отозвался Петр. – Ретроградная амнезия, как мне объяснили... Сержант словно осуждающе покачал головой:

– А как попал к нам в Серовск?

– Совсем случайно. Дали билет, я и приехал сюда.

– А кто дал?

– Вот он, – Петр показал пальцем на Санькину физиономию на фотографии.

– А он сам где сейчас находится?

– Поехал в Светлоград, – махнул головой Петр.

– Он там живет?

– Нет, из Светлограда Сергей, – Петр показал на фото Серегу. – А Санька, наверное, из Серовска. Он на обороте адрес написал, но прочитать нельзя, неразборчиво.

– Ну хоть как зовут-то тебя, знаешь? – безнадежно спросил сержант, не сумев разобраться в Санькиных пьяных каракулях.

– Петром. Но это имя дали мне уже после ранения.

– Без имени и без прошлого... Нормально ты попал, парень! А Коку с Валькой откуда знаешь? Ты же с ними по мосту шел?

– На вокзале познакомился, когда с поезда сходил. Ночевал у них.

Сержант задумчиво потер ладонью подбородок:

– Кажется, я припоминаю тебя. Ты с этими алкашами под мостом вчера прятался. Н-да, задачка!

– Товарищ сержант, его надо в камеру и прессовать! Точно я вам говорю, этот кадр или рецидивист, или террорист, – вмешался в разговор молодой милиционер.

– Ага. Усама Бен Ладен собственной персоной, только без бороды. С тобой повидаться приехал, – подтвердил догадку напарника Унтер, снял телефонную трубку и набрал номер. – Алло, Геннадий Алексеевич, вы сейчас свободны? Не могли бы зайти? Дело интересное, требует вашего решения. Хорошо, ждем.

Судя по тому, как спешно начал заправляться молодой, к ним ожидалось скорое прибытие начальства. Оно не замедлило явиться в виде светловолосого немолодого майора.

– Какие проблемы, Женя? – бодро спросил он, поздоровавшись за руку с сержантом и кивнув на отдание чести напарником.

– Да вот задержали гражданина. Из документов имеются только фотография да еще куча отметин – пулевых и резаных. Совсем ничего не помнит о себе. Амнезия... Приехал с юга, из Чечни, но не чеченец. Похоже, не врет.

Майор внимательно изучил фотографию, хмуро глянул на следы от пуль на груди Петра и покачал головой.

– Твои предложения? – спросил он у сержанта.

– Думаю, в клинику к Илье Сергеевичу парня надо определить. Помните, два года назад похожего подобрали, только без ран. Оказался ведущим инженером проектного института из Казани. Полгода пролежал, а потом память стала возвращаться. Что с ним произошло, как к нам попал, не помнил совершенно. А здесь еще и Чечня пристегнулась. Не забыли ее?

– Трудновато такое забыть! Да скоро опять, наверное, там будем. Говорят, теперь на полгода загремим, в соответствии с новой директивой. Ладно, согласен с тобой. Пиши протокол и отправляй мужика к Илье Сергеевичу. Мы ему все равно ничем помочь не сможем, кроме как в приемник-распределитель по категории бомжа отправить. Толку от того никакого, а в клинике, глядишь, подлечат, – утвердил решение майор. – Как твой новый напарник?

– Да ничего, старается, – усмехнулся сержант. – Только вот террористы часто чудятся.

– Это скоро пройдет, – засмеялся майор. – Все, давайте оформляйте и отправляйте в клинику. На всякий случай пробейте по компьютеру. Но не помню я что-то ориентировки с такими характерными приметами. Ну все, занимайтесь, я к себе пошел.

– На компьютер сходить, проверить? – Молодой милиционер, радостный от похвалы, рванулся было к двери.

– Не надо, – остановил его сержант. – Раз Алексеич сказал, что не помнит в сводках такого, проверяй, не проверяй, все без толку. У него память крепче компьютерной. Захочешь, в свободное время сходи, убедись, а сейчас нечего болтаться. Садись и пиши протокол. Учись, вчера два бланка запорол.

Протокол и сопроводительную оформили быстро. Дольше ждали машину. «Уазик» пришел часа через полтора. Это время Петр провел в камере, в компании с мертво спавшим необъятным мужиком. Несмотря на доброжелательное отношение к нему Унтера, давать вольную Петру не собирались. Как и не объясняли толком, куда конкретно его повезут. В клинику, сказал майор. Значит, в клинику, согласился с неизбежным Петр.

Скоро Петр почувствовал, как кошачья лапка предупредительно и ласково касается его шеи и затылка. Приблизился приступ боли – первый за день. Вчера был только один, к вечеру. Анальгин, по его просьбе, Петру возвратили, поэтому проблем со снятием боли не было. Он даже после приступа ненадолго задремал.

А потом пришел «уазик», и они ехали долго, выбираясь из центра Серовска на окраину, пока не подъехали к высоким воротам с будкой сбоку, в которой дремал мужик в форменной

куртке с шевроном «Охрана» на груди. А на стенке той будки висела вывеска: «Городской психоневрологический диспансер».

Глава 5. А у психов жизнь...

Илья Сергеевич Петряев, главный врач диспансера, он же – главный городской психотерапевт и главный же нарколог – все в одном лице, оказался милейшим человеком. Росточка он был небольшого, крепенький, как грибок боровичок, с бородкой клинышком, возрастом лет где-то за пятьдесят.

Как потом узнал Петр, восхождение ко всем трем должностям главного не было тернистым. В профессионализме Илье Сергеевичу отказать было трудно, но мало ли талантливых врачей сидит по районным больничкам? Все было просто, проще не бывает.

В далекое время выпускник медицинского института получил распределение в Серовск, а уже здесь горздравотдел направил молодого специалиста в медсанчасть при приборостроительном заводе. Одновременно с ним, закончив политехнический, на завод прибыл такой же выпускник, шустрый парнишка Костик Бахтин, который хлопотную и неблагодарную должность мастера смены через несколько месяцев сменил на освобожденную секретаря комитета комсомола цеха, а спустя пару лет возглавил комсомольскую организацию и всего завода.

К концу восьмидесятых Илья Сергеевич стал главврачом все той же заводской медсанчасти. Это не являлось стремительным карьерным ростом, но и стыдиться было нечего – не всякая областная поликлиника шла в сравнение с медучреждением приборостроительного завода и по площадям, и по комфорту, и по качеству оборудования. На заводе в то время трудилось под десять тысяч человек, а уж на соцбыт в оборонке денег не жалели.

Костик Бахтин, к тому времени – уважаемый Константин Григорьевич, второй секретарь горкома Серовска, по инициалам, а может, и характеру, с возрастом и должностями все более суровому, носивший прозвище КГБ, временами навещал Илью Сергеевича на рабочем месте. Не то чтобы они крепко дружили, хотя и были на относительно короткой ноге, основным все же являлось кое-что другое, более личное. Подобные визиты, по количеству не более трех-четырех за год, носили характер закрытый. Поговаривали в кулуарах о бахтинских срывах, однако же касались разговоры простой человеческой слабости, естественно осуждаемой, однако в России не столь уж и редкой.

Короче, Сергеич периодически выводил Григорыча из запоев, коим тот был подвержен. И делал он это качественно и без огласки. Поэтому, когда перестройка победила бесповоротно и вторые секретари, в момент ставшие демократами, в отличие от первых – ретроградов, «семьдесят лет душивших страну», и, соответственно, не успевших перестроиться, пришли к власти, Григорыч о Сергеиче не забыл. После того как оборонка, а вместе с ней и сопутствующий соцбыт успешно захирели, «КГБ», к тому времени ставший мэром Серовска, перекинул Илью Сергеевича из обнищавшей заводской санчасти на свежую ниву наркологии-психиатрии.

Психдиспансер назывался городским, но лечились в нем нуждающиеся со всей губернии. Сохранив старые опытные кадры, Илья Сергеевич пригласил из столиц подающих надежды молодых специалистов, благо на финансирование клиники стараниями Константина Григорьевича жаловаться было грех. А дензнаки Илья Сергеевич любил беззаветно.

Дополнительные источники привлечения денег в духе требования времени сами собой явились в психиатрию. Похаживали в определенных кругах слухи, что можно отлежаться в психушке у доктора Петряева И.С., переждать не лучшие времена, если ты в конфликте с законом, а то и справку, освобождающую от определенной ответственности, заполучить.

Несмотря на то, что Илья Сергеевич не специализировался на психиатрии и, надо честно признаться, последние годы занимался больше административно-хозяйственной практикой, каждого нового пациента он принимал лично и уже далее определял лечащего врача.

Сержант Волобуев, похоже, не первый раз навещал диспансер. После краткого телефонного разговора на КПП ворота перед милицейским «уазиком» распахнулись. Они уверенно

проехали мимо трехэтажного корпуса недавней постройки, выглядевшего добротно и свежо, только вот решетки на всех без исключения окнах на всех этажах. Машина проехала чуть дальше и притормозила на небольшой площадке у массивного, в два этажа, красивого здания постройки не позже начала двадцатого века. На это указывала как добротная крестовая кладка, которую во времена социализма успешно забыли, так и архитектурный стиль – с кирпичными карнизами, выложенными по фасаду полуколоннами и высокими окнами. Пожалуй, даже новый корпус смотрелся беднее и более скучно, чем этот ладно скроенный и сшитый на века особняк.

Между двумя зданиями располагался небольшой уютный парк, а может, и сад – кому какое определение по душе. На первое указывали асфальтированные дорожки, скамейки, урны. К саду более склоняли наполнявшие его фруктовые деревья: яблони, вишни, абрикосы. Одни деревья были в возрасте, другие – недавно посаженные, молодняк. Позже Петр узнал, что этот сад предназначался для прогулок больных и именовался не иначе как психодром.

Территория психдиспансера, совсем немалая, была не только обнесена по периметру трехметровым бетонным забором, но и внутри делилась на две части оградой пониже и поуже из сетки рабицы и так же с воротами, будкой и охранником при них. За ней располагались в ряд три длинных одноэтажных строения красного кирпича, вероятно – хозяйственные постройки. По виду они напоминали ангары или конюшни, чем, вероятно, в свое время и были – с высокими воротами в торце и редкими вытянутыми по горизонтали окнами под самой крышей.

В общем, если убрать из поля зрения новый корпус и заборы, а для полной убедительности еще и подходившие почти вплотную к клинике окраинные девятиэтажки, рисовалась очень даже симпатичная картинка загородного поместья конца XIX века. Стояло оно тогда верстах эдак в семи от города, на склоне пологого холма, прикрываясь им от северных ветров, и имело перед собой перспективу самого Серовска, с кремлем, посадом и пригородами, и раскинувшейся до горизонта луговой заречной стороны, которая и сегодня клочками просматривалась между стеснившимися серыми многоэтажками.

Когда «уазик» проезжал мимо трехэтажного корпуса, Петр обратил внимание на курившего на крыльце молодца. Он был одет вполне цивильно для богоугодного заведения – в строгий костюм и темную водолазку. Но не это вызывало интерес к субъекту. Глаза Петра, скользя по фигуре, как-то автоматически выхватили и отметили совсем незаметную мешковатость пиджака у левой подмышки и короткий отросток антенны переговорной трубки, небрежно засунутой в карман. Сам молодец не менее внимательно осмотрел проезжающий мимо канаречный транспорт.

Вылезая из машины, Петр кинул взгляд в его сторону и отметил, что трубка из кармана переключалась к губам гражданина, старательно разглядывающего прибывших. Разговора на расстоянии слышно не было, однако никаких сомнений не возникало, что темой переговоров являлись прибывшие на милицейском «уазике».

Сержант с Петром вошли в здание, в вестибюле их уже ждали. Два санитары, а может – медбрата, в нечистых халатах, крепкие и хмурые мужики, кивнув Унтеру как давнишнему знакомому, обратили взоры на Петра.

– Что с клиентом? «Белка» или как? – деловито осведомился один из «братьев» и тряхнул тряпичным свертком. – Рубаха нужна?

– «Или как», – доложил сержант. – Спецсредства без надобности. Память мужик потерял в результате ранения...

– А ранили где? – лениво спросил второй, поняв, что активная помощь в данном случае не потребуется.

– Где сейчас воюют, там, видать, и ранили... – с неохотой ответил сержант. – Илья Сергеевич когда будет?

– Скоро должен вернуться с обхода. Он на второй территории.

Действительно, ждать долго не пришлось. Минуты через три в вестибюль в сопровождении молодого человека и молодой женщины – все в белых халатах – залетел небольшого росточка энергичный и упитанный колобок с подернувшейся сединой бородкой клинышком.

– Виктор Иванович, Лидия Анфимовна, все вопросы будем обсуждать завтра на планерке. Они слишком серьезные, чтобы решать их на ходу. Идите, занимайтесь своими делами, – строго и безапелляционно выдал колобок и обратился к прибывшим: – Здравствуйте, молодые люди! Какие у нас проблемы?

– Здравствуйте, Илья Сергеевич! – поздоровался сержант и подал ему сопроводительную. – Вот товарищ, судя по всему, нуждается в вашей помощи.

Колобок внимательно пробежал бумагу глазами, согласно кивая на каждом предложении в бланке.

– Да, наш пациент... – негромко и скорбно констатировал главврач, дочитав сопроводительную до конца, и тут же, спохватившись, махнул рукой санитару: – Ну-ка, милейший, догоните-ка Лидию Анфимовну и скажите, чтобы она вернулась. Этот товарищ как раз по ее части. Ну, голубчик, пойдете побеседуем с вами.

Беседа состоялась в небольшой комнате рядом с вестибюлем и была не очень долгой. Сначала вопросы задавал Илья Сергеевич. Они касались не столько состояния больного, сколько его недолгой истории. Почему-то особенно главврача интересовал отрезок жизни в Чечне. Петр старался ответить на все вопросы, про себя удивляясь, зачем нужны Илье Сергеевичу подробности, которые тот записывал в свой блокнот. Даже Санькина фотография была весьма тщательно им рассмотрена и изъята для дальнейшего изучения.

Потом настала очередь доктора Лидии Анфимовны. Ее, в отличие от начальства, больше волновали вопросы здоровья пациента – течение болезни, его ощущения и эмоции. Она внимательно осмотрела следы ранений на теле Петра, неощутимо, почти ласково, пробежав по ним пальцами, измерила пульс, давление.

Сержант Волобуев вместе со скучающими санитарам сидел на кушетке у дверей и ожидал решения врачебного консилиума.

– Ваше мнение, Лидия Анфимовна? – осведомился у женщины Илья Сергеевич. – Каков результат осмотра?

– Все симптомы ретроградной амнезии, вызванные проникающим ранением в затылочную часть головы, – доложила доктор.

– Остальные ранения – что вы скажете по поводу их?

– Хорошо залеченные, полученные как минимум год назад и более, а некоторые – совсем давние. На сегодняшнее состояние больного они никак не влияют. И вообще, если бы не проблемы с памятью, пациента можно было бы назвать очень здоровым человеком.

– Какое лечение назначим, коллега? – глаза Ильи Сергеевича остро глянули на женщину поверх очков.

– Пока надо наблюдать, – пожала плечами Лидия Анфимовна. – Сейчас трудно что-то определить. Для больного с таким диагнозом в первую очередь необходимы время и терпение. С казанским пациентом мы долго ждали результата, но все же добились своего.

– Согласен с вами, – удовлетворенно кивнул главврач. – А пока отправим больного в карантин на пару неделек. Прибыл он к нам из местности в эпидемиологическом отношении совсем неблагоприятной, да и в Серовске обитал в месте, прямо скажем, сомнительном. Еще проблема с медицинским полисом, а точнее – с его отсутствием, но, думаю, решим и ее. Давайте ваши документы, товарищ сержант. Вот вам роспись, что мы гражданина на лечение приняли. Зайдите к секретарю – знаете, где она сидит, вы у нас не новичок, поставьте печать и отправляйтесь на свой боевой пост. Всего хорошего!

Унтер, получив бумаги, на прощание искренне пожелал Петру:

– Давай, боец, выздоравливай побыстрее.

Далее была баня, а точнее – душ; его камуфляж поменяли на застиранное, бывшее когда-то белым нательное белье и полусуконные коричневые брюки и куртку, а босые ноги обули в стоптанные тапочки из кожзаменителя. И без того короткие волосы стричь не стали. Однако же голову и все остальные оволосенные места побрызгали некоей аэрозольной гадостью, пахнущей, правда, не совсем отвратно. Потом он сдавал на анализ кровь, мочу, какие-то мазки, у него смотрели язык и анус, измеряли рост и вес... В общем, развлечения устроили по полной программе.

Процедуры Петр проходил под присмотром санитаров, которые встретили его в вестибюле. Они сучали ввиду малоопасности и послушания пациента. Лишь по-отечески направляли его возгласами: «Раздевайся... Одевайся... На весы... Вали вон туда...» Завершив приемно-дезинфекционные дела, его повели в карантин, где Петр и должен был обитать ближайšie две недели, как определил главврач.

Располагался карантин на втором этаже трехэтажного корпуса. Они поднялись по лестнице, огороженной сетками, остановились у металлической двери и позвонили. Звонок едва слышно прокурлыкал и затих. В глазке мелькнула тень – там рассматривали прибывших. Замок наконец противно проскреб металлом по металлу, и дверь отворилась. За нею стоял тот самый молодец с опухшей подмышкой, что курил на крыльце корпуса. Из себя он представлял крупногабаритного, на полголовы выше Петра, лет эдак тридцати индивидуума с крайне мрачным, хотя и не совсем неприятным лицом.

– Привет, Егорыч! – небрежно кивнул он санитару, тому, что был постарше. – Чего надо-то?

– Да вот придурка в карантин определить... – незатейливо представил Егорыч Петра.

– Это что, в наше крыло? – нахмурился молодец.

– В ваше, за жестянку, – кивнул санитар.

– Павел Иванович же просил... – недоуменно скривил губы парень.

– Слышь, секьюрити, может, ты отвалишь подальше? – с очень неуважительными интонациями в голосе сказал санитар Егорыч.

Петр догадался, что этот малопрятный на вид тип является охранником упомянутого Павла Ивановича.

– Наше дело верблюжье, – продолжил Егорыч, – доставить этого кадра в карантин и посадить его под замок. Твое же, собачье, охранять своего шефа. А бугры между собой пускай сами разбираются, где кому находиться.

Егорыч шагнул через порог, твердо и бесцеремонно отодвигая рукой охранника.

– Эй, хозяйка! Сабитовна, солнечная Башкирия наша, вылазь, принимай гостя.

Петр двинулся за Егорычем. Он покосился на охранника и различил искреннее неудовольствие, а точнее – злость, тенью пробежавшую по его лицу. Удивительно, но молодец с оттопыренной подмышкой сдержал эмоции по отношению к явно хамившему санитару. Однако, похоже, кипение энергии отрицательного заряда требовало немедленного выхода. Неосторожно шагнувший к нему Петр, освобождающий дорогу позади идущему санитару, вызвал в охраннике всплеск ярости. Он неожиданно с силой, но почти неуловимо, двинув вперед предплечье, отработанным движением выбросил в лицо Петру сжатый кулак.

Помимо Петра, лишь Егорыч успел заметить опасность, хрипло выдохнув:

– Ты чо...

Заключительное слово «фраер...» он сказал, успев по ходу произнесения поменять восклицательно-вопросительный тон на задумчиво-сожалеющий. Санитар проводил взглядом летящего мимо него охранника, которого Петр, коротко уклонив от удара голову, поймал на потере равновесия и аккуратной подсечкой направил прямым ходом в ноги их компании.

Он не готовился, не ждал нападения, даже не подумал толком, что ему делать. Все произошло будто само собой: быстрый уход головой, полуоборот с шагом в сторону, короткое движение голени и плеча... Пожалуй, это и все, что случилось.

Петр стоял и смотрел на поверженного охранника, не меняя прежнего спокойного выражения лица, с которым ходил по кабинетам, процедурным и душевым. Он безмятежно наблюдал, как парень с искаженной физиономией, еще лежа на полу, рвал из-под пиджака пистолет, как Егорыч и пришедший на помощь напарник держали разбушевавшегося охранника и отнимали у него оружие. Потом из-за металлической двери, той, что справа, на шум вылетели еще двое в пиджаках, вероятно, коллеги парня. Они суматошно махали руками и такими же «макаровыми», не зная, к кому и как подступиться.

Ситуацию разрушила приковылявшая на коротеньких ногах из-за решетчатой двери, той, что слева, пожилая круглолицая полная женщина. Враз оценив обстановку, она стала охаживать присутствующих без разбора сложенным вдвое вафельным полотенцем, с которым пришла, выговаривая им при этом со смешным акцентом, проглатывая в словах часть гласных:

– Хлиганы, зачем дретесь. Тут вам больница, а не бкс. Прямо шйтаны, а не льди. Ни стда и свести!

После такого неожиданного вмешательства попытки развязывания боевых действий быстро сошли на нет. Шикнув напоследок на охранника, которого он держал, Егорыч несколько смущенно пробасил:

– Ты уж извини, Флюра Сабитовна, за суету. Ребята, не разобравшись, пошумели малость... Охрана больного за делового приняла. В общем, все нормалек. Вот привели тебе в карантин клиента, принимай.

– Все вам «нрмалек», – сказала женщина. – Здесь прядок должн быть, а не драки. А ну шгайте к себе, – рукой махнула она парням в пиджаках. – И ты не играй мне жлваками по щкам. Ишь горячий ккой ншелся, – строго выговорила она охраннику, которого Петр «уронил» на пол. – Пручено тебе строжить хзяина, вот и строжиди, а не кдайся на бльных. Где нправление, Егрыч? Двай сюда.

Ворча что-то невнятно-обидное, прибывшие на подмогу охранники отправились за железную дверь, откуда и явились. Третий – «крестник» Петра, в отличие от коллег, не ворчал, а скорее рычал. Однако рык этот больше напоминал рычанье пса в присутствии более сильных, оттрепавших его волкодавов: «Вы победили, но я вам когда-нибудь покажу...»

У Петра сложилось впечатление, что секьюрити, да и все, с кем ему пришлось встретиться сегодня в клинике, с каким-то странным уважением относились к Егорычу. С виду он был самым обычным санитаром – в мятом несвежем халате, с седой щетиной на щеках. Однако же и сам Петр ощущал непонятное излучение силы и крепости, которое накатывало на него от этого человека. Именно накатывало, а не давило. И он был тем волкодавом, которого уважали шавки.

Вот и сейчас Егорыч, вовсе не обращая внимания на потуги обиженного охранника, с едва заметной улыбкой выслушал хозяйку этажа и согласно кивнул:

– Точно говоришь, Сабитовна, каждый должен свое место знать. Держи документы на больного, определяй в карантин. Он вроде мужик спокойный, но в обиду себя не дает, – как мог успокоил женщину Егорыч, подмигнув на последних словах Петру: – Верно, парень?

Петр пожал плечами:

– Не знаю, как получится...

– А получается вроде неплохо, – засмеялся было санитар, но сразу оборвал смех и нахмурился. – Только в чужой монастырь со своим уставом не лезь и права не по делу не качай – тогда действительно все нормально будет.

– А мне этого и не надо, – безразлично качнул головой Петр. – Я никого не трогаю...

– Ну и ладно, – оборвал его Егорыч. – А ты парень вроде не фраер и не лох. Вписываешься на хату авторитетно. Видно, что под шконкой ночевать не станешь... Сабитовна, забирай-ка больного, а мы пойдем, чайку попьем.

– Нчего мня тропить. Без тбя знаю, что длать, – отмахнулась женщина, изучая направление. – Все, свбодны, бздельники. Вам бы тлько чфир пить, урки.

Она оглянулась на решетчатую дверь, откуда пришла и через которую просматривался пустой длинный коридор с закрытыми дверями по всей его длине. Дернув за ручку и убедившись, что она заперта, Флюра Сабитовна, как назвал ее Егорыч, повернулась и потянула больного за рукав:

– Шгай за мной...

Коридор за глухой металлической дверью, захлопнувшейся за спиной Петра, мало чем отличался от левого коридора, который он разглядел через решетку двери. Был только немного покороче, и в его торце на журнальном столике стоял телевизор и напротив стояли два кресла. В одном сидел уже знакомый охранник из двух, явившихся на помощь собрату. Второй почти сразу вынырнул на шум из двери посередине коридора. Он бросил взгляд на вошедших и доложил через плечо в комнату:

– Соседа вам доставили, Павел Иванович.

– В натуре, договаривались же с Сергеичем, что будет все тихо, без шизы за стенкой. В психушке и той – сплошь бардак! Даже за бабки покоя нет!

Вслед за охранником из дверей показался огромный человек с блестящей бритой наголо головой, в оливковом спортивном костюме «Пума» и сланцах.

– Сабитовна, ну в чем дело? Договаривались же...

– Нчего не знаю. Нправление в крантин, а он у нас одн и в этом крле, – промурлыкала Флюра Сабитовна, ковыляя мимо.

Человек в «Пуме» скрылся за дверью. Петру, остановившемуся у двери, обитой оцинкованным железом – наверное, той самой «жестянкой», про которую упоминал Егорыч, был слышен разговор по телефону.

– Илья Сергеевич, Бурлаков беспокоит... Ну конечно, вы же говорили – один, все условия... Что, не псих? Амнезия... А это что за птица такая? А-а-а, понял. То есть дали парню по башке, у него память и вышибло... Не покусает, значит. Ну ладно, раз так. Мой вопрос как? ... Двигается... Надоело безделье до чертиков... Ну все, до свидания, Илья Сергеевич.

Флюра Сабитовна открыла дверь и посторонилась, пропуская Петра внутрь. Однако им пришлось задержаться на короткое время, выслушивая отповедь огромного человека, опять появившегося в коридоре:

– Эй, псих, чтобы вел себя, как мышка в норушке. Услышу шорох или, не приведи господь, храп ночью, удавлю, как Ромео Дездемону. Понял, урод?

Неизвестно, из каких глубин памяти Петра всплыл этот жест. Он безразлично пожал плечами, потом сжал руку в кулак, выпрямил средний палец и показал его здоровяку.

Отвешенная чуть ниже золотой полукилограммовой нагрудной цепи челюсть была последнее, что увидел Петр, заталкиваемый легоньким кулачком Флюры Сабитовны в карантинный отсек. Из-за металла захлопнувшейся двери он услышал отчаянный рев оскорбленного пумоносителя, схожий с гудом курьерского поезда на выходе из туннеля – глухой и утробный, и удары в дверь, так что косяки заиграли волной. Петр понял, что друзей в этом богоугодном заведении он не завел, а вот врагов, похоже, уже наработал. На это и времени, и ума беспмятно-амнезийного вполне хватило. Как-то само собой все вышло.

– Зчем здираешь людей? – забавно насупив брови, спросила Флюра Сабитовна.

– Не я задираю, они сами задираются, – пожал плечами Петр. – Что он ко мне пристаает?

– Ему по жзни ко всем прставать надо, птому что он бндит, – знающе сообщила женщина. – А ты бы прмолчал, нчего бы с тбой не случилось, не скис бы. И он на тбя не злился бы. Худой он человек, как чего плхого не вшло. Не пуганый ты, прень.

– Не знаю, пуганый или нет, не помню...

– Ну лдно, дваи рсполагайся, – безнадежно махнула рукой женщина. – Вот твоя кровать, вот умвальник. Кушать тбе прнесут. Лжись да отдхай. Что-то ндолго тебя в крантин определили – аж на две ндели.

Глава 6. Тест для дауна

Флюра Сабитовна, старшая медсестра отделения, в которое определили Петра, заходила в этот день еще несколько раз. Сначала она сопровождала санитарку, принесшую ужин, попозже сделала укол, а перед сном принесла какие-то таблетки. Сказала, что и то и другое – «не для лечения, а укрпляще». Она дежурила в эту ночь.

Петру, несмотря на видимую неразговорчивость хозяйки отделения и трудности с гласными, все же удалось расшевелить ее и получить скудные познания о людях, заинтересовавших его и, судя по реакции, заинтересовавшихся и им самим.

Про санитару Егорыча женщина высказалась резко, однако в голосе ее Петр уловил уважение к этому человеку. При всей недосказанности можно было понять, что Егорыч не один десяток лет провел в зоне и сейчас вроде бы находился в завязке. Хоть и работает он простым санитаром, однако уважение имеет не только у работников психдиспансера, но и у серьезных посетителей.

Флюра Сабитовна пренебрежительно ткнула пальцем в сторону двери и поведала, что однажды отсиживавшийся в психушке индюк, такой же, как и огромный сосед Петра по отсеку, по незнанию попытался повысить голос на Егорыча и привести его к порядку, который сам и решил определить. В результате пришлось срочно переводить болезного и одного из его бодигардов в хирургию. Причем претензий от пострадавшей стороны к Егорычу предъявлено не было, так как разобрались люди, с кем имеют дело.

А про пумоносителя по фамилии Бурлаков она высказалась вовсе неуважительно, вспомнив, как тот в соплях и с голой задницей безотцовщиной гонялся по какому-то Тиньзину. А сейчас хоть и считается в городе крутым авторитетом и носит кличку Бурнаш, для нее он как был сопливым мальцом, таким и остался. И еще женщина предупредила Петра, чтобы был с Бурнашом поосторожнее – уж очень злопамятный это тип.

Ночь прошла спокойно и без происшествий. Петр хорошо выспался, компенсировав беспокойную ночевку у Коки. Часов у него не было – их вместе со всем скудным имуществом внесли в опись и сдали на хранение, однако далекие голоса и редкие солнечные лучи, с трудом пробившиеся сквозь затянувшую небо хмарь, известили, что пора вставать.

Он потянулся и рывком поднялся с кровати. Петр не знал, что ему сейчас нужно, и тело само подсказало, чего оно хочет. Встав на ноги на прохладный кафель, он прошелся по палате. Остановившись на свободном пятачке у окна, начал аккуратно разминать мышцы, начиная с шейных, с вращения головы, переходя к плечевым и далее опускаясь ниже. Петр не активизировал разминку, прислушиваясь к своему организму, работая не спеша. Он впервые после обретения новой жизни занимался подобным делом и ощущал, что знает и может это делать. У ж е знал, что такая разминка – вполне знакомая и обязательная часть его существования.

Тепло, напитавшее мышцы, дало команду перейти к более активным занятиям. Растяжки и вращения ноюще отзывались в связках и суставах. Петр автоматически отметил, что из-за пассивного образа жизни после ранения он сильно понизил уровень своего физического состояния. И тут же в сознании возник вопрос: о каком состоянии идет речь? Какой физический, социальный, нравственный, в конце концов, уровень у него был до ранения? Он даже на секунду замер в движении, пытаясь сосредоточиться. Ему показалось, что нужно еще чуть-чуть напрячь память, и она даст ответы на заданные вопросы. И даже если не на все, пусть ответит лишь на один: кто он такой, человек без имени и без прошлого? Но, увы, сознание очередной раз не смогло перешагнуть проклятый рубеж, который установил тот подлый удар в затылок.

Петр почувствовал, как напряжение мозга отзывается ласковым прикосновением к затылку, предвещающим ставшую уже привычной боль. Прекратив разминку, он вернулся к

кровати и прилег. На удивление, боль походила рядом, попыталась ухватиться острыми коготками за нервные окончания, но скоро раздумала и ушла.

Возвращаться к занятиям смысла не было. Еще минут десять полежав, Петр встал, умылся, а за отсутствием зубной щетки изобразил чистку зубов краем вафельного полотенца. Закончив туалет, он прошелся по палате, прислушиваясь к едва доносившимся из-за двери звукам чужой жизнедеятельности. Про него пока не вспоминали.

Мышцы приятно ощущались после полученной разумной нагрузки. Петр присел на табурет, привинченный к полу, откинулся на железную спинку кровати и прикрыл глаза. Он стал неспешно перебирать в памяти события прошедших дней.

Причудливая череда случайностей, свившись в единую цепочку, привела его в эту лечебницу, в эту палату. Будто кто-то властный взял неразумного за руку и потянул за собой: «Смотри! Это твоя дорога. Это твоя жизнь!» Была ли логика в произошедшем с ним? Реальность ничего не утверждала, а затаенная сущность его сознания говорила, что все на этом свете предначертано: и потеря памяти, и дедушка Джамал, и привокзальный скверик с бюстом поэта, Санька с Серегой, Серовск, маргинальный интеллигент Кока и милиционер Унтер, санитар Егорыч и авторитет Бурнаш, и эта палата с кафельным полом и выкрашенными зеленой масляной краской стенами. Все случилось так, как и должно было случиться.

Жаль было одного – прошлого. Но стоило ли о нем жалеть? Может быть, то, что произошло, увело его от несчастья. А вдруг наоборот – он был счастливым в прошлой жизни и в единый миг все потерял? Или же его исчезновение сделало кого-то несчастным? А вдруг люди радуются тому, что нет на свете того, кем он был? Или скорбят? Вопросы, вопросы и ни единого ответа...

Отвлекая от мыслей, в замке заскребли ключи. Обитая железом дверь отворилась, пропуская в палату Флюру Сабитовну и незнакомую Петру молодую женщину приятной наружности, в белом халате, с амбарной книгой в руках.

– Уже прснулся, млец, – деловито сказала Флюра Сабитовна. – Как спл? Как сбя чувствуешь?

– Нормально, – пожал плечами Петр.

– Я после нчного джурства ужжу отдохать, – доложила она и кивнула в сторону молодой женщины, – а за мня остется Лнчка.

Петр уже без труда разобрался, что аббревиатура из четырех согласных и одной гласной представляет из себя имя молодой медсестры.

– Очень приятно, Лена, – поздоровался он и представился сам: – Меня зовут Петром.

Медсестричка стрельнула глазками в его сторону и сделала короткий росчерк в амбарной книге. Надо было полагать, он означал, что Петр в числе «штук один» в наличии и принят под наблюдение.

– Лчения нкакого не нзначено, – уточнила старшая медсестра. – Тлько укрпляющие. В цлом здров. Амнезия...

– «Что-то с памятью моей стало», – весело пропела Леночка, немедленно заслужив неодобрительный взгляд Флюры Сабитовны.

– Ну что вы, Флюра Сабитовна, так на меня смотрите? – улыбнулась медсестра. – Для мужчины память никогда не была главным достоинством. Они и за стенами нашей клиники ею особо не отличаются. Петр, как вы сами говорите, вполне здоровый мужчина, просто забыл, как его зовут. Мне такие встречаются на каждом шагу. У них у всех основные правила – вовремя удрать и забыть. Поэтому не стоит из этого делать трагедию.

– А у тбя ни в чм нет тргдии, – отмахнулась от нее Флюра Сабитовна. – Одни кмедии да мжики на уме. У члвека гре, а она... Пйдем дльше, втреница.

С завтраком, принесенным прежней санитаркой в сопровождении заступившей на дежурство медсестры Лены, состоявшим из молочной каши, ломтя белого хлеба и слабенького

компота, Петр расправился быстро и вновь остался в одиночестве. Часа два о нем никто не вспоминал. Он сидел, лежал, смотрел в окно, выходящее на тыльную сторону диспансера. Там тоже не было ничего интересного, кроме трехметрового бетонного забора с колючей проволокой поверху, за которым тянулся, некруто поднимаясь, голый глиняный склон с пожухлой травой и редким кустарником по гребню.

Неожиданно в голову полезли странные мысли и рассуждения. Петр им не удивился, а просто принял к сведению. А думал он о том, что преодолеть забор особого труда не представляет. Место для разбега есть, толчковая ступня с шероховатости бетона не соскользнет, поэтому захват руками ребра плиты обеспечен. А там чуть подтянуться, закинуть наверх ногу и уже на трех точках опоры перекинуть тело через проволоку. Конечно, на «фосбюри-флоп» не потянет, но колючку преодолеть позволит. И приземление с трехметровой высоты особой проблемы не составит, а вот по склону под прицельным огнем уйти вряд ли удастся. Поэтому нужно уходить вдоль забора... И еще, если засесть на гребне со снайперкой типа «Вампир» да парой автоматического оружия – «калашами», а лучше «Бизонами», или без «Вампира», но с крупнокалиберным пулеметом «Печенег», вся психлечебница окажется наглухо заблокированной...

Петр недоуменно хмыкнул, определяя явившиеся знания как вполне естественные для себя, но в нынешних условиях совершенно бесполезные, и стал скучать дальше. Когда это состояние совсем уж обрыдло, пришла Лидия Анфимовна, лечащий врач. Она мерила давление, пульс, слушала грудь и спину с приговорами «дышите – не дышите», спрашивала о симптомах болезни, а он подчинялся – «дышал – не дышал», следил глазами за молоточком, зажмурился и держал перед собой руки с растопыренными пальцами.

А еще он наблюдал за врачом. Петр не мог предполагать, что у него имеются подобные познания, но по ее движениям, словам, фразам, мимике неожиданно для себя он стал рисовать психологический портрет приятной молодой женщины.

Деловита, умна, холодна и решительна. Но эти отличительные качества по большей части наносные, отработанные профессией. Вместе с тем в движениях, в интонациях скользит мягкость и, пожалуй, неуверенность – не медика, а женщины. Вероятно, она не замужем и не имеет детей, потому что такие беззащитные и одновременно строгие глаза могут быть только у одинокой. Она носит маску энергичной и деловой женщины, скрываясь под ней. Вывод: у объекта имеются слабые стороны, а значит, он уязвим.

Можно было сравнить Лидию Анфимовну с медсестрой Леной. Та не менее уязвима и, без сомнения, тем же одиночеством, однако совершенно по-иному. Планка ее чувственных желаний обнажена и позволяет без особого труда сыграть на этом поле. Искусственная закрытость Лидии Анфимовны вкуче с нравственной неустроенностью и соответствующими комплексами создает определенные сложности для контакта, решаемые в более длительный период и отличительными тонкими методами. Уровень эмоционального восприятия женщин различный, и внедрение в их окружение также разнится.

Зачем ему было нужно это изучение и выводы, Петр не знал. Он просто наблюдал и анализировал окружающих. Еще пару дней назад Петр был сконцентрирован на себе, на своих ощущениях. А сегодня, сейчас появилось чувство, что он освобождается от кокона, в котором находился до сих пор, и примеряет на себя окружающий мир. Правда, выходило это как-то странно, может – слишком специфично, если вспомнить утреннюю рекогносцировку местности из-за оконной решетки.

Лидия Анфимовна, записывающая в карточку результаты осмотра, подняла голову и неожиданно спросила:

– Петр, вы любите Грига?

– Я не очень хорошо знаю творчество этого композитора, чтобы любить, – неожиданно для себя, однако спокойно и естественно, не напрягая память на том, кто такой Григ, ответил он. – Будет более правильно сказать, что его музыка мне нравится.

– А что у него вам более всего по душе? – немного лукаво спросила Лидия Анфимовна.

– Наверное, как и всем, «Песнь Сольвейг», – пожал плечами Петр.

– А как вы относитесь к Мураками? – быстро спросила врач.

– Не иначе, как к модному писателю, – не задумываясь, ответил Петр.

– Веласкес, Тропинин, Кандинский...

– Художники, – без затруднений отчеканил Петр и с усмешкой спросил: – Это тест на интеллект или что-то другое?

– Меня как врача не слишком интересует ваш интеллект, – немного нахмурилась Лидия Анфимовна. – Просто я хочу дать работу вашему дремлющему мозгу. Он сейчас находится в заторможенном состоянии, и его необходимо разбудить. Причем делать это нужно аккуратно, шаг за шагом, не пытаясь форсировать события. Это с одной стороны. А с другой – тестирование вас в различных областях знаний может помочь выйти на ваш профессиональный уровень, а уже с него попытаться активизировать участки мозга, отвечающие за это...

– Кстати, об это, – прервал монолог врача Петр. – Я почему-то сегодня с утра, естественно мысленно, профессионально преодолевал ваш забор и уходил от погони. А потом блокировал лечебницу минимальным количеством личного состава и вооружения. И это у меня получилось!

– Если стрелялки-догонялки приплюсовать к следам ранений на вашем теле, то мы уже можем построить некоторые догадки о вас, – на секунду задумавшись, ответила Лидия Анфимовна. – Но мне не хочется начинать лечение с крайних категорий, которыми являются действия, связанные с насилием. Давайте отгаливкаться от простых и общепонятных истин и понятий. Я вам оставлю два листка с вопросами. Это несложные задания из различных областей знаний. До обеда заниматься не стоит, отдохните, а после обеда почитайте, попробуйте ответить. Если вдруг почувствуете, что устали, не утруждайте себя, отвлекитесь и через некоторое время продолжите. И еще я вам покажу упражнения, которые надо будет разучить и делать.

Лидия Анфимовна встала с табурета, жестом подняла Петра и поставила напротив себя.

– Итак: исходное положение. Ноги на ширине плеч, немного согнуты в коленях. Руки держим перед собой со сплетенными в замок пальцами, локти приподняты на уровень груди. Делаем глубокий вдох, потом медленно-медленно выдыхаем, ладони переворачиваем и тянемся вверх, глазами следим за ладонями, подбородок поднимаем... Застываем... Ладони спокойно вниз... Тягучий вдох... Повторим... Молодец, не все правильно получается, но пока сойдет! И так надо делать десять-двенадцать раз. Это упражнение улучшает кровообращение мозга. Все запомнили?

Петр неопределенно пожал плечами и кивнул головой: «Все понятно».

– А теперь другое упражнение. Ступни на ширине плеч, левая рука вытянута вперед, правая согнута в локте, пальцы сжаты, лишь указательный поднят вверх... Тянемся...

– Пальцы не сжаты, а полусогнуты и, помимо указательного, большой смотрит в сторону. И ступни расположены несколько иначе – надо встать в положение всадника. Вам в юбке его принять сложно, – неожиданно вырвалось у Петра. – Это второе упражнение цигун. И делается оно так...

Он спокойно и качественно исполнил сложное упражнение, вызвав искреннее удивление Лидии Анфимовны.

– Вы, наверное, увлекаетесь у-шу? То, что вы показали вначале, это похоже на разминочный комплекс тай-цзы и еще может быть выборкой из первого из восьми основополагающих

упражнений цигун или тайцзицюань, что означает «Великий предел», – сообщил Петр. – Оно включает в себя еще ряд движений – в основном на дыхание.

Петр показал изумленному врачу, какие еще движения входят в первое упражнение. На короткий миг задумавшись, он совсем неожиданно для себя и врача начал пояснять:

– Вы, Лидия Анфимовна, сказали, что этот комплекс улучшает мозговое кровообращение. Я позволю с вами не согласиться. Некоторые из составляющих комплекса действительно благотворно влияют на отдельные органы человека, однако ценность учения тайцзицюань совсем в другом. Восемь упражнений – их еще называют «Восемь отрезков парчи» – это не гимнастика, а учение о гармонии внутреннего мира и физического состояния тела. Вся жизнь человека определяется движением, и цигун является гармоническим единением внутреннего и внешнего. Движение внешнее как в зеркале должно отражать движение внутреннее...

Встретившись с внимательными глазами Лидии Анфимовны, Петр резко оборвал философский монолог.

– Извините, пожалуйста, – смущенно улыбнулся он. – Как-то само собой все получилось. Я не думал...

– Не волнуйтесь, все очень хорошо, – остановила его врач. – Это мне надо каяться, что я – дилетант – пытаюсь лечить больных топорными методами. Я считала, что эти упражнения из восточной медицины, но совсем не думала, что они являются основополагающей составляющей учения у-шу. Их нам показывал в институте профессор, утверждая, что они очень полезны для мозгового кровообращения. А оказывается, все более сложно и серьезно.

– В классической медицине вряд ли есть место для восточной философии. Так вы разрешаете мне заниматься цигун? – спросил ее Петр. Он мог и не спрашивать, но не хотел, чтобы ко всем комплексам молодой женщины добавился еще один – профессиональный.

– Конечно, занимайтесь, – согласилась Лидия Анфимовна. – Только пока этими двумя упражнениями, которые...

– ...мы изучили, – помог ей Петр.

– Да, изучили, – согласилась она, чуточку покраснев. – Остальные вы мне покажете позже, и я приму решение, можно вам их делать или нет. А пока не увлекайтесь. Нагрузка должна быть дозированной. Сейчас нам в основном необходимы статика и дыхательные упражнения. Если во время занятий почувствуете, что начинаете уставать, отдохните. И еще обязательно – берегите голову от любых, даже малейших сотрясений. А теперь извините, я должна спешить. Через пять минут у Ильи Сергеевича начинается планерка. До свидания, Петр, до завтра.

– До свидания, – кивнул Петр, и вдруг у него вырвалось: – Извините, Лидия Анфимовна, а откуда у вас такое необычное отчество?

– Совсем даже обычное, русское, архангельское, – улыбнулась женщина. – Моего отца звали Анфимом, а дядю Аникудимом.

– Так вы из поморов, – констатировал Петр.

– Да, я поморка, – подтвердила Лидия Анфимовна. – И я рада, что ваша память выдает такие специфические знания. Будем надеяться, что в скором будущем вы вспомните не только Грига, поморов и этот... цигун, но и самого себя.

До вечера день тянулся долго и нудно. После обеда Петр занялся тестами, которые оставила ему Лидия Анфимовна. На половине первой страницы в его сознании само собой родилось определение того, чем он занимается: «Разминка для даунов». Вопросы о форме Земли, зачем птицам нужны крылья и где живут рыбы, повергли Петра в совершенное уныние и тоску.

А еще стало обидно, что детсадовскими тестами его ставят на одну ступень с коренными обитателями психиатрической лечебницы. Правда, остыв и немного поразмыслив, Петр решил, что, возможно, Лидия Анфимовна права и не стоит спешить, а шаг за шагом медленно

и аккуратно будить свой мозг. Поэтому он дочитал тесты до конца и прилежно ответил на все вопросы. А закончив, выставил себе оценку: «Молодец, Петя, пять с плюсом в журнал».

Зато в другом он врача не послушался. Не только разрешенные два упражнения «Великого предела» – все восемь были им пройдены с начала до конца. Единственное, он старался поначалу несколько ограничивать себя в движениях, а точнее – в интенсивности их исполнения. Однако, немного поработав и прислушавшись к телу и ощущениям, он скоро начал двигаться в полную силу.

А еще, уже вечером, Петр с удовлетворением отметил, что за день приступ боли случился лишь один раз перед обедом, и то не сильный, да и прошел он быстро.

Глава 7. Неудачный урок

Солнце закатывалось за гребень голого склона. На короткое время оно раскололось на мелкие кусочки, прорываясь острыми лучами сквозь ветви зарослей кустарника. Потом один за другим хрупко порвались, угасая, и эти лучики-ниточки, и стали медленно наплывать сумерки.

Петр долго не включал света в палате. Да, собственно, это ему и не было нужно. Пока за окном еще не стемнело, от скуки он пару раз пробежал тесты, накручивая на вопросы для неодаренных детей дополнительные сложности, детализируя и рассматривая предмет обсуждения в различных ракурсах.

К примеру, отвечая, где живут рыбы, он констатировал, что в воде, и тут же начал развивать тему, строя логическую цепочку. Вода бывает морская и пресная; реки впадают в моря и океаны; соответственно, рыба подразделяется на морскую и речную; рыба морская: треска, пикша, сельдь, иваси, хек, минтай и клякач; рыба речная: лещ, судак, сом, сазан, плотва, ерш, карп; рыба, которая живет в море, а на нерест идет в пресную воду: кета, горбуша, семга; а кроме того, в морях и океанах живут еще и млекопитающие – дельфины и киты. И так по каждому вопросу теста...

Подобные рассуждения расплзались, стоило их тронуть, все шире и шире, хотя до этого они дремали. Петр чувствовал, что мозг с каждым открытым вопросом, пусть всего одним из миллиардов, септиллионов, окталлионов нейронов, но раскрывает его сознание, обретая мир. Однако ни единое открытие даже намеком не указало на главное, для чего все это было затеяно, – на его сущность.

Петр уже знал и помнил, что живет на планете эллипсоидной формы, называемой земным шаром, который с огромной скоростью несется в мертвом и голом пространстве по замкнутой орбите вокруг Солнца. Но вот в какой точке на этом эллипсоиде он родился и жил, мозг сообщать отказывался. Морская и речная рыба имели свое отражение в подкорке, но не являлось воспоминаний о том, как он сидел на берегу или качался на лодке, наблюдая за маячком поплавок, ожидая поклевку. И не всплывали видения не только сизаря в его руках, щегла в его клетке, не помнилось даже курицы, бродящей по его двору в поисках зернышка.

Более подробно о себе, помимо прожитого за неполный месяц, Петру рассказали результаты медицинского осмотра. Рост 178 сантиметров, вес восемьдесят два килограмма, давление 120 на 70, пульс 65 ударов в минуту, брюнет, глаза карие, сложение атлетическое. Отличительные приметы: на теле шесть пулевых ран, три – колото-резаных.

Потом Петр долго лежал в темноте, рассматривая тени на стене от отраженного света фонарей, расставленных по периметру забора. И, при отсутствии иных развлечений, по теме утреннего пассажа, мысленно сравнивал ТТХ и боевые возможности винтореза Драгунова и последней модификации снайперской винтовки «Вампир». В результате пришел к выводу, что железяка – она и есть железяка, а эффективность ее применения зависит от профессионала, в чьих руках она находится.

Он не удивлялся подобным знаниям, как, впрочем, не удивлялся ничему. Петр через них пытался подойти к открытию себя, разбудить в памяти события, лица... Иногда казалось, что еще немного, и он переступит грань памяти, отделяющую его от прошлого. Но, увы, это не удавалось. Глухая черная стена стояла между ним нынешним и прежним. И пройти через нее, пробить, протиснуться в щель он не мог, не умел, не было сил...

Петр задремал, но, по ощущениям, ненадолго. Его разбудил негромкий металлический скрежет ключа в замке входной двери. Сознание автоматически и знакомо по ощущениям захотело вскинуть тело на кровати, однако Петр сдержался, вспомнив, где сейчас находится. Он спокойно приподнялся на локте и сел.

Свет из коридора очертил в проеме двери две крупногабаритные мужские фигуры. Один из вошедших повертел головой, негромко матернулся, заодно помянув черта и явно недостаточную освещенность у того в анусе. Наконец определившись, человек протянул руку вправо, пошарил по стене и шелкнул выключателем. Вспыхнувшая под потолком неяркая лампочка осветила стоящих на пороге палаты знакомых Петру охранников соседа по отсеку. Один из них был тот, которого он «уронил» по прибытии в карантин.

Разглядев сидевшего на кровати Петра, этот охранник широко и плотоядно заулыбался.

– Привет, козлик, – ласково поздоровался он. – Ты нас не ждал в гости? А мы пришли! Глянь, Винт, а он нам, видать, не рад.

– А с чего, Колян, ему радоваться, – печально качнул головой амбал, носящий имя Винт. – Отбивным котлетам по штату веселиться фишки нет. У них жизнь такая: сначала под молоток, а потом в рот – и через кишки в дерьмо. Вот и все веселье.

– Да уж, – согласился Колян. – Парень, видать, мечтал отсидеться за жестяной под юбкой у башкирки. Но нынче-то Леночка хозяйка. А девочка эта любит сладенькое, особенно мужиков. Ей сейчас не до больных – вот даже ключики от палат на бегу бросила вместе с трусиками. Пока Моня ею занимается, мы от скуки, малыш, с тобой развлечемся. Ориентация у нас стандартная, так что ты чего нехорошего не подумай. Наши интересы чисто спортивные, корешок. Давай поднимайся и хиляй за нами.

Петр молча встал с кровати и потянулся за суконными брюками.

– А это ни к чему, – остановил его Колян. – В бельишке оно попроще будет, поспособнее. Сойдет за физкультурный прикид.

Сами охранники были одеты, видимо, по вечернему времени, в спортивные брюки, майки и сланцы. Петр безразлично пожал плечами, сунул ноги в тапочки и двинулся за ночными гостями. Они вышли в коридор, проследовали в самый конец коридора и остановились у выкрашенной белой краской двери. Винт отыскал на большой связке нужный ключ и открыл замок. Палата, куда они зашли, ничем не отличалась от той, где жил Петр, только была пустой – без мебели и умывальника.

– Это наш фитнес-клуб, – сообщил Петру Колян. – А ты, считай, тренажер. Слышь, Винт, он у нас по какой фирме проходит – «Кетлер», что ли?

– Хрен ему, а не фирма и не тренажер, – мрачно сказал Винт. – Грушей он у нас будет отечественного производства. А точнее – куклой для битья. Мягкой игрушкой...

– Ты, псих, не бойся, мы тебя до смерти забивать не станем, – доверительно сообщил Петру Колян, снимая сланцы и разминая руки и плечи. – Даже фингалов не будет. Просто поучим. Кости, конечно, помесим капитально, а с синяками погодим – папа не велел.

– Это Бурнаш, что ли? – безмятежно осведомился Петр.

– Для кого, может, и Бурнаш, а для тебя он господин Бурлаков, – наставительно сказал Колян и велел Петру: – А ну-ка встань, сынку, посерединке комнаты, а мы полюбуемся на игрушечку. Да, забыл спросить... Тебя, псих, зовут-то как? А то перестараемся и не будем знать, за кого в церкви свечку поставить.

– Петром, – представился он, снял тапочки и аккуратно поставил их у стенки. Как всегда ниоткуда пришло понятие, что босая пятка работает эффективнее, чем, к примеру, нога, обутая в кроссовку или борцовку. А еще Петр стянул с себя белую казенную бязевую рубаху с завязками у горла, обнажив торс. Он вышел на середину палаты и встал, аккуратно и неспешно разминая в связках кисти рук.

– Слышь, Винт, нам Петя-петушок попался, – радостно выдал Колян. – Ну и когда же тебя, малыш, запетушили? Смотри, рубашечку скинул, шас штанишки сымет...

На последних словах Коляна веселья чуть поубавилось. Он присмотрелся к шрамам на теле Петра.

– Где тебя так порубали, мужик! В зоне, что ли? Да вроде нет, похоже на пулевые ранения, – уважительно сказал Колян.

– Да по хрену, пулевые, снарядные... – мрачно подытожил Винт, подходя к Петру. – Парень борзый, и его надо поучить. Готов, псих?

Петр безразлично пожал плечами. Он сам уже рассмотрел и оценил противников. Колян был ростом с него, а Винт на полголовы повыше. Правда, в отличие от Петра, оба весом килограммов под сто десять. Уже привычно пришло понимание, что с двумя одновременно ему справиться будет тяжеловато, но возможно. Страх не было, явилось знание своей силы и даже превосходства.

– Эй, Винт, чур, сначала я, – возмутился Колян. – Он же на меня первого наехал. А то я знаю, после твоих граблей один кисель останется.

– Нет базара, – лаконично сказал Винт и отошел к стене. – Работай...

Колян пружинисто шагнул к Петру. Остановившись в паре шагов, он энергично двинул плечами, видимо, проверяя готовность мышц. Затем неожиданно легко для своей комплекции, без подготовки и предупреждения, крутнулся вокруг оси и выбросил ногу в грудь спокойно стоявшего перед ним Петра. Прием был проведен классно, и исход вполне очевиден – по крайней мере, для двоих из присутствующих. Однако случилось совершенно непредвиденное. Беззащитная с виду «кукла» неспешно, как бы лениво, развернула торс, пропуская ногу мимо себя, и сделала короткий шаг в сторону. А еще Петр, словно играя, несильно шлепнул расслабленной ладонью по тыльной стороне бедра летящей мимо его груди ноги.

Этот шлепок едва не поверг Коляна на пол. С трудом сохранив равновесие от метнувшейся вверх конечности и проскакав несколько шагов по комнате, он остановился и с ошумевшим видом поглядел сначала на стоящего в спокойной позе Петра, а потом на товарища. На мрачном лице последнего появилось некоторое удивление, смешанное с долей иронии.

– Колян, ну ты лажанулся, – хохотнул Винт. – Он тебя как пацана сделал. Опять на подсечке поймал. Форму теряешь и реакцию. Я ж тебе сколько раз говорил, что ты много чипсов жрешь. Скоро от пола не оторвешься. А еще серебряный призер России. Надо про этот прикол Бурнашу рассказать, чтобы он тебя в десятиугольник на перевоспитание Леону загнал.

– Заткни хайло, Винт, – взревел от обиды Колян. – Я этого урода сейчас в бетон вотру! Петр глянул на пол и поднял глаза на охранников.

– На бетоне линолеум лежит, – кротко доложил он. – Зачем его-то портить?

От этой реплики Винт закатился оглушительным хохотом, а лицо Коляна налилось бордовой краской.

– Ой, я умру сейчас, – сквозь смех проговорил Винт. – Как он тебя классно опустил. Братва животы надорвет, когда я им расскажу...

Неожиданно он перестал смеяться. Похоже, с опозданием до Винта дошло, что не одного Коляна касается возмутительное поведение психа.

– Ну, ты будешь его мочить? – рассерженно прорычал амбал. – Или я его сейчас сам урою!

– Отвали, Винт, он мой, – не на шутку взъярился Колян.

Он шагнул к Петру, по-прежнему стоящему с опущенными руками, и, подпружинив ноги, принял боевую стойку.

«Карате-до, – услужливо выдала сонная подкорка Петра, проанализировав стойку и до этого проведенный прием. – „Серебряный призер России“... Наверное, в тяжелом весе. Явно не профессионал и не боевик. Подобные ляпы стоят жизни. Похоже, схватки не избежать. А Лидия Анфимовна сказала, что сейчас надо налегать на дыхательные упражнения, статику и беречь голову...»

Среагировав на движение соперника, двинувшегося к нему, Петр с места не сошел, однако развернулся вполборота и чуть напряг голени. Колян, видимо, оценив противника,

оставил легкомысленный настрой. Он прошелся короткими пружинистыми шажками вокруг Петра, делая короткие ложные выпады, испытывая нервы и пробуя защиту.

Нервы у «психа» были в норме, а защита с виду – никудышная. По крайней мере, так могло показаться неискушенному: руки безвольно опущены, плечи стоят неровно и сутуло, словно у школьника-сколиозника. И Коляну вроде так и виделось, однако он уже дважды попадался на удочку мирной безмятежности этого человека. Охранник смотрел в завораживающе-спокойные глаза «куклы», и у него почему-то все меньше и меньше являлось желания вступить с ним в схватку. Но уход от боя мог серьезно отразиться на авторитете Коляна как «правильного пацана».

Неожиданно для себя и противника – тело как бы само собой посылом мышечной памяти динамично сошло с места – Петр двинулся по комнате. Короткий семенящий переступ, больше похожий на пляску – с остановками и мгновенным застыванием в причудливых позах, – завораживал и пугал.

«Танец журавля, – услужливо выдал информацию мозг Петра и опять напомнил о предупреждении милого врача: – Береги голову!»

И еще он вспомнил наставление Лидии Анфимовны, что нагрузка должна быть дозированной и ему нельзя переутомляться. Из этого следовало, что игру, в которую его втянули мальчишки Бурлакова-Бурнаша, надо было заканчивать побыстрее. Именно игру, потому что его сознание не воспринимало происходящее как что-то серьезное, угрожающее жизни. И этому стоило верить. Мозг Петра, живший своей, пока отстраненной жизнью, еще ни разу не обманывал его.

«Ну что же, раз нельзя переутомляться...» – мысленно согласился Петр и резко остановился в журавлином танце. Он встал как-то неуклюже, открывшись сопернику для удара, для поражения. Винт, молча стоявший у стены, еще секунду назад мрачно и неотрывно смотревший на танцора, мгновенно очнулся и рывкнул товарищу нечто нечленораздельное, но ободряющее:

– Н-н-у б-х-а...

Колян и сам разглядел зияющую прореху в обороне «психа». Он уже понял, что случай столкнул его с противником, отличным от тех, с кем раньше сводила судьба спортсмена и братка.

Опыт и разум на долю секунды воспротивились легкости предстоящей победы. Однако остановиться он уже не мог. Мышцы годами и сотнями часов отработанным движением хаппокэри – тройного удара – понесли его к сопернику.

Ни тройного удара, принесшего ему шесть лет назад «серебро» на первенстве России по карате, ни даже одинарного Колян провести не смог. Выстрелившие в открывшегося противника кулаки – до работы ногами дело так и не дошло – встретили пустоту. Невероятно легким и неуловимым пируэтом Петр ушел с директрисы атаки и оказался за спиной Коляна. Наблюдавшему за схваткой Винту показалось, что рука «психа» со странно сжатыми пальцами лишь коснулась накачанного затылка его товарища. Однако «серебряный призер», на секунду застыв в нелепой позе с вытянутыми вперед руками, качнулся и тяжело рухнул на пол.

Озверевший от увиденного безобразия, Винт оторвался от стенки и, по-медвежьки косолапя, двинулся к Петру.

– Ты что, падла, сделал? – прорычал он. – Ты же Коляна завалил! Я щас тебя...

Петр еще раз сложил пальцы в конфигурацию, с помощью которой он отправил Коляна в нокаут, и сообщил Винту, а возможно – самому себе:

– Это «клюв орла»...

– Я тебе, ушуист хренов, за Коляна и клюв отшибу, и пасть порву, – грозно пообещал Винт.

Похоже, охранник неплохо разбирался в единоборствах, если так четко определил стиль борьбы Петра. А тот в ответ лишь безразлично пожал плечами и, как уже повелось, неожиданно для себя сказал:

– Ну, если у-шу вам не нравится, давайте попробуем что-то другое...

Винт потерял речь от подобного хамства. Набывчившись, он двинулся к Петру. Если Колян, вне зависимости от своих габаритов, работал и перемещался в бою относительно легко, то новый противник шел мощно и напролом. И на изыски типа прощупывания обороны ложными ударами не разменивался.

Петр, чувствуя недюжинную силу и жесткость мышц Винта, избегал ближнего боя. Он проводил пару-тройку стремительных жалящих ударов и уходил прочь. Соперник не успевал за ним и злился еще больше.

Озверевший от ловли «психа», ловко ускользавшего от его медвежьих объятий и молотьбы кулаками-гирями по воздуху, Винт великими усилиями потеснил и запер того в угол. По крайней мере, ему показалось, что это сделал он, а не Петр привел его к подобному положению. Винт коротким размахом, вложив в удар все силы и злость, двинул в грудь стоявшего перед ним соперника кулак размером с футбольный мяч. Если бы он достиг цели, речь бы шла даже не о целостности ребер, а о более трагичном для Петра исходе.

Увы, но и в этот раз удар не достиг цели. Петр, резко согнув колени, упал вниз и повел корпус влево, пропуская кулак Винта мимо себя. А в следующий момент, будто исполняя танец вприсядку, он пошел вверх, и раскрытая ладонь тупой частью запястья двойным усилием нанесла сокрушительный удар в основание носа соперника. Сознание Петра очередной раз подсказало, как называется подобное действие: по-русски – «коромысло», а если на восточный манер – «шат».

Мгновенно ослепленный болью, Винт качнулся назад. Он уже не смог разглядеть, как к его шее метнулся все тот же «клюв орла». Однако и этот удар, пронзив тело невероятной болью и одновременно парализуя мышцы, не поверг наземь бойца-рукопашника, а лишь согнул. Сознание не покидало Винта до тех пор, пока уважительно хмыкнувший на стойкость соперника Петр не приложился сверху локтем к его пояснице. Мощное тело грузно осело на пол.

– Так что, ребята, с втиранием в бетон сегодня ничего не получится. Не ваш сегодня день. И линолеум целым остался – зачем зря материал портить, – прокомментировал исход встречи Петр, глядя на поверженные тела. Винт лежал совсем недвижно, а Колян уже начал шевелиться, приходя в сознание.

– Ладно, парни, отдыхайте. До утра время еще есть, – после недолгого раздумья пробормотал Петр. – А я пойду к себе. Надо поспать. Распорядок дня нарушать нехорошо.

Он натянул рубаху, взял связку ключей, которую Винт, войдя, повесил на ручку двери, вышел в коридор и запер ее. Чтобы его в эту ночь больше не тревожили, Петр подобрал и снял со связки свой ключ, а саму связку оставил в замочной скважине двери процедурной, заперев и ее для порядка. Оттуда шли недвусмысленные женские стоны, смешанные с глухим мужским голосом и скрипом кушетки. Можно было позавидовать усердию Мони, занимавшемуся с медсестрой Леночкой, преступно забывшей в пылу страсти о своих служебных обязанностях.

Запершись изнутри, Петр с чувством хорошо исполненного долга быстро и крепко заснул. Его даже не разбудили глухие раскаты буханья в крепкие, обитые металлом двери, а позже – слабые стуки женского кулачка в железную филенку и жалобные призывы Леночки о возврате ключа. Мужская часть населения, соседи Петра по этажному отсеку, помощь даме почему-то не оказывали, хотя и могли бы после столь теплых отношений. Поэтому и Петр не проснулся, и дверные косяки его палаты остались целыми.

Глава 8. Танцы до упаду

Синяк на левом глазу у Коляна был прямо-таки королевский, размером с хорошее блюдо. Винт подобного украшения избежал, однако заимел приличную вздутость на скуле. Он периодически пробовал водить челюстью, от чего морщился и расстроено покачивал головой. Последствия «шата», ювелирно проведенного Петром, на изломанном носе Винта практически не отразились. Больше всех, похоже, досталось Моне. У него, помимо ярко-фиолетового фингала под глазом и налившейся шишки над бровью, имелась еще и хорошая ссадина на щеке.

Петр к изменениям и дополнениям в портретах нарушителей распорядка дня отношения не имел ни малейшего. Как говорится, был чист перед собой, людьми и богом. Коляна и Винта он нынче ночью оставил в состоянии неприглядном, однако без каких-либо следов на физиономиях, с Моне же вообще не виделся со времени памятного прихода в карантин.

С большой долей вероятности Петр догадывался, кто столь усердно поработал над личностями бодигардов, и вряд ли ошибался в своей догадке. Из-под замков ночью парней мог освободить только шеф, разбуженный отчаянной долбежкой в запертую дверь. И кто же, кроме него, мог так качественно разукрасить их лица?

Троица смиренно стояла за спиной сидевшего на стуле Павла Ивановича Бурлакова, в народе – Бурнаша. Правда, Егорыч, сидевший напротив, почему-то кликал его Бурым. От подобного обращения лицо собеседника чуточку перекашивалось, однако же явного противления не было. Петр мог лишь предполагать, что данное прозвище господин Бурлаков носил в совсем юном криминальном возрасте и в дальнейшем заменил его на более благозвучное и солидное. А еще выяснилось, что и его собеседник, кроме привычного «Егорыч», откликается на погоняло Лука.

Ключ от своей двери Петр отдал Флюре Сабитовне, рано утром прибывшей на смену и разбудившей его бойким стуком в дверь. Леночка же ни носа не показала, ни голоса не подала. Он не стал объяснять строгой башкирке, что произошло ночью, да та и сама не расспрашивала, видимо, была в курсе. Поворчав незло про «хлиганов, которые тлько знат, что друтся», медсестра скоро ушла. У Петра сложилось впечатление, что санитар Егорыч получил информацию о произошедшем именно от Флюры Сабитовны. А заодно и просьбу разрешить узел противоречий, завязавшийся в тесном карантинном крыле.

День прошел спокойно и, как и вчера, неспешно. Его навестила Лидия Анфимовна, побеседовала, проверила, как подопечный поработал с тестами. Она одобрила его методику расширения вопросов и выдала еще один комплект. Петр показал ей второй и третий «отрезы парчи». Скрепя сердце Лидия Анфимовна разрешила заниматься и ими, однако строго указала, чтобы больной не слишком усердствовал и не переутомлялся. Видела бы она, как он «не переутомлялся» в прошедшую ночь. На удивление, за день головная боль его накрыла только один раз, причем несильно, да и прошла быстро.

Егорыч заявился часа через полтора после ужина, когда за окном уже стали наплывать сумерки. Он внимательно оглядел Петра и усмехнулся, показав неровные и желтые прокуренные зубы.

– А с виду не скажешь, что ты, парниша, можешь двух бугаев завалить, – иронично сжал губы Егорыч. – Напроказил ты в чужом огороде, а я ведь предупреждал... Вываливай, что было вчера. И без пурги!

– Проказил не я, – спокойно возразил Петр. – Ребята сами пришли, решили меня поучить. Обиделись вроде. Но не вышло у них ничего с этой самой учебой...

Он вкратце и честно описал, что произошло прошлой ночью.

– Ну, ты молодец! – хохотнул Егорыч. – Я прикидывал, что может случиться такое, что эти фуфлыжники захотят на тебя наехать. Но чтобы они обделались с таким выхлопом... Класс, Петруша! Ладно, фраер, не радуйся, еще не вечер. Пошагали на терку с Бурым.

– Куда? – не понял его Петр. – На какую терку?

– Проблемы разводить с твоими соседями по бараку, которые круче самых крутых яиц, – поморщившись, сказал Егорыч. – Мирить вас буду – нет у меня больше проблем. Не хватало еще в психушке разборок.

«Терка» продолжалась недолго. Дискуссия, особенно вначале, случилась бурной, однако скоро вошла в конструктивное русло. Бурнаш сидел на стуле посередине своей палаты набычившись, мрачно переводя взгляд с сидевшего напротив Егорыча на Петра, пристроившегося за его спиной.

– Ну так что, Бурый, мы все перетерли? – спросил у него санитар. – Тогда подводим итоги базара. Твои «быки» на парня не по делу наехали, и не говори, что ты об этом не знал. По-хорошему, вам бы надо предъяву выставить, да парнишка, в общем-то, был бесхозный. Я за него нынче выступаю в плане гуманитарной поддержки и для поддержания порядка в нашей богадельне. Ну а раз влез в завязку, буду держать его за собой. Пока обойдемся без предъявы, но если твои доберманы по новой права на мужика качать начнут, тогда разговор будет другой... серьезный.

– Никаких проблем, Лука, – неожиданно широко улыбнулся Бурнаш. – Ребята захотели повеселиться, а я этому значения не придал. Они же ничего серьезного с ним и делать не хотели. Думали, простой придурок. И меня в заблуждение ввели. Решили размяться – застоялись, жеребцы. Попинали бы малость для выпуска пара, и никаких ежежиков. Так, братва?

– Так, Пал Иваныч, – нестройным хором промычали из-за его спины охранники. – Мы по-серьезному не хотели...

– Ну, а коли ты, Лука, его под свою «крышу» берешь, никаких непоняток быть не может. Пускай лечится, башку в норму приводит. А дальше поглядим...

При последних словах Егорыч вскинул голову и внимательно и остро посмотрел на Бурнаша.

– Не понял насчет «дальше»? – сказал санитар и, сделав многозначительную паузу, сквозь зубы выдавил: – Это ты что, авторитет свой качаешь?

– Нет, я о деле баю. И про это у нас с тобой разговор отдельный будет, – качнул головой Бурнаш. – Вполне деловой и взаимовыгодный. Без распальцовки и наездов.

– Ну если так... – пожал плечами Егорыч. – Только вот не пойму, Бурый, к чему ты клонишь.

– Пока болезный пускай в норму приходит, а я мозгами пораскину. А уж как до конца все свяжу, тогда и усядемся с тобой, Лука, прикинем общие интересы.

– Какую-то бодягу ты гонишь, – недоуменно покачал головой санитар. – Да ладно, до дела дойдет, тогда и разберемся. Но пока, как решили – никаких наездов на него.

– Слово – закон! – согласился Бурнаш и грозно покосился на охранников. – Никто его и пальчиком не заденет. Так, орлы?

– Так, Пал Иваныч, – уныло пропели хором за его спиной бодигарды, скучно рассматривая свои «пальчики».

– Слышь, Лука, – неожиданно смущенно улыбнулся Бурнаш. – Хоть убей, не могу поверить, что этот кент лучше моих парней работает. Есть желание проверить самому. Раз уж он сейчас под тобой, разрешения спрашиваю. Дай мне с ним малость потолкаться.

Лука-Егорыч на секунду задумался, а потом как бы безразлично и неохотно повел подбородком. Однако Петр сумел уловить в его глазах искорку интереса.

– Ладно, только по-короткому и без увечий, – согласился Егорыч. – А то я про твою медвежью силу слышал. Сколько народу переломал...

– Не, я легонько, – поднимаясь со стула, ласково пообещал Бурнаш. – Просто гляну, на что он годится.

Он стянул с могучих плеч спортивную куртку, скинул сланцы и потянулся, так что захрустели кости в суставах.

– Ты-то, парниша, не против подразмяться? – для порядка спросил Егорыч-Лука у Петра. Тот, не противясь неизбежному, неопределенно дернул плечами.

– Вот и ладненько, – улыбнулся санитар, подхватил стул и отошел в сторону. Охранники последовали его примеру, освобождая место в центре палаты.

Петр снял суконную куртку, оставшись в нательной рубаше, и разулся, освободив ноги от тяжелых казенных тапочек. По примеру Бурнаша он не стал тратить время на разогрев, а лишь прошелся по суставам и мышцам, проверяя их готовность к работе. Перед ужином Петр качественно занимался «отрезами парчи», включая еще не разрешенные Лидией Анфимовной, и тело сохранило тепло и эластичность.

Во время короткой разминки работали не только мышцы и связки, но и мозг Петра. Подкорка помимо его воли или команды просчитывала противника. Впечатляющие габариты: бугры мускулов выпирают из-под майки, спина – хоть рожь цепом молоти, столбы крепких ног. Вес раза в полтора побольше, чем у Петра; ростом – на голову выше. Даже Винт, не говоря уже о Коляне с Монею, смотрелся рядом с шефом не крупным пацаном.

Каким видом боя обладает Бурый-Бурнаш, также оставалось загадкой. Такое тело под стать сумоисту или тяжеловесу классика, хотя не исключается и бокс, и рукопашный бой. Движения его не выдают явных признаков принадлежности к определенному стилю борьбы. Но для такого мощного сложения, если еще прибавить выносливость и умение держать удар, техника иногда и не важна.

Вывод из наблюдений был невеселый, но не пессимистичный: следует осторожно ввязаться в схватку, не допуская противника в ближний бой. Аккуратно провести разведку, делая ставку на подвижность, а потом... А потом видно будет! Сколь ни силен и крепок дуб, топор профессионала-дровосека завалит и исполина. Слова про дуб и дровосека сами собой нарисовались в мозгу Петра. Ему оставалось лишь принять их на веру и положиться на заложенные в нем знания и умения, о которых он в полной мере не ведал и даже не догадывался.

Бурнаш, выждав, когда Петр закончит разминку, шагнул навстречу. На лице авторитета читалась уверенность в своих силах и некая затаенная усмешка. Огромные руки-лапищи, полусогнутые в локтях, были готовы схватить, сжать, разорвать непокорного.

Неожиданно для себя – импульс мозга дал команду помимо его воли – Петр шагнул навстречу и, вместо того чтобы уходить, лавировать, проводить разведку, двинул вперед свои ладони, встретившиеся с ладонями Бурнаша. Их пальцы сплелись в крепком замке. Скрытая усмешка на лице авторитета проявилась, превратившись в пренебрежительную улыбку. Дичь по своей воле забралась в капкан, который сейчас захлопнется и сломает ей хребет.

– Потанцуем, малыш! – торжественно объявил Бурнаш, и его губы расплылись еще шире.

– Потанцуем, – спокойно согласился Петр, чем вызвал недовольство партнера, мгновенно стервшее улыбку с лица.

Глаза Бурнаша зло сверкнули. Не привык он к столь вольной реакции людей, достаивающих его внимания.

Бурнаш поудобнее перехватил и стал медленно сжимать пальцы, сдавливая утонувшие в его широких ладонях руки хляка-соперника. Он, видимо, скоро ожидал отчаянного крика боли и корчи упавшего на колени тела. Однако неожиданно и совсем непривычно человек-гора почувствовал, что кисти противника вовсе не поддаются, не хрустят, и суставы не гнутся от его стальной хватки.

Рука «психа» словно окаменела, застыв бетонным монолитом.

Да каким там бетонным – еще в юности Паша Бурлаков ударом кулака отламывал куски от плиты перекрытия и крошил их пальцами на мелкие кусочки. От этого нехитрого действия его друзья были в восторге. А сейчас ему явилось чувство, что он сжимает кусок неподдающегося холодного гранита. Таким же холодным и отстраненным было и лицо «психа».

Так продолжалось секунд тридцать. На лице Бурнаша злость уступила место недоумению. От напряжения его щеки стали наливаться свекольным отливом. Он уже не знал, что делать дальше. В подобную игру Паша играл не единожды и всегда выходил победителем. Впервые в жизни ему попался соперник, который не сломался под натиском недюжинной силы его рук.

Бурнаш уже хотел ослабить давление, переведя все в шутку, как вдруг ощутил, что пальцы его противника ожили и шевельнулись. Они медленно стали усиливать нажим на фаланги его пальцев. Гигант почувствовал сначала легкую боль, которая с каждой секундой нарастала, заполняя косточки и суставы кистей. Скоро она стала невыносимой. Бурнаш попытался было отстраниться, освободить руки, однако это ему не удалось. Словно острые иголки пронзили мышцы и нервы, буквально парализовав тело.

Казалось, еще мгновение, и он завопит от боли, упадет на колени, как вопили и падали его поверженные соперники. Авторитет, держась из последних сил, умоляюще посмотрел в глаза Петра... И тот принял его просьбу. Пальцы медленно ослабили хватку, вернув Бурнашу свободу. Руки мужчин наконец расцепились, освободив связку.

Стоявшие за спиной шефа охранники, похоже, так и не поняли, что же произошло. Ну, сошлись мужики, пальцы в замок сложили, постояли пару минут и опустили ручонки. А вот Егорыч-Лука разобрался в текущем моменте, хотя и не подал виду, а лишь сдержанно и одобрительно качнул головой. А что не одобрить-то? Ведь он только что определил, что Петр находится под его «крышей». Мелочовка, конечно, эти игры, однако приятно, что подопечный не осрамился.

Свекольный цвет лица Бурнаша медленно спал, оставив лишь след румянца на толстых щеках. При всех своих недостатках авторитет умел проигрывать. Правда, и раньше с ним подобное редко случалось, а последнее время – вообще сошло на нет.

Он привык добиваться своего и в боях, и в делах. Не пасовал ни перед превосходящим его соперником, будь это человек или карательный орган, ни перед обстоятельствами. И нынешняя отсидка в психушке была вовсе не проигрышем, а лишь являлась несложным тактическим ходом.

Внимательно оглядев свои руки, он несколько раз согнул и разогнул пальцы, проверяя их целостность. Недоверчиво хмыкнув под нос, Бурнаш поднял взгляд на Петра. В его глазах не было ни злости, ни удивления.

– Клево потанцевали! Вот теперь верю, Петруша, что ты этих сопляков положил, – добродушно констатировал Бурнаш, небрежно кивнув за спину. – И не сомневайся, теперь они до тебя и мизинцем не дотянутся. Так что спи спокойно, дорогой друг...

– Ты, Бурый, базар фильтруй, – вмешался в разговор Егорыч. – Что несешь?

– Да не переживай, Лука, – засмеялся Бурнаш. – Это я, можно сказать, любя сказал. Просто к слову пришлось. Никаких непоняток с ним не случится – я слово дал. А что оно стоит, объяснять тебе не надо. Пускай лечится, укрепляет здоровье. Насчет головы я ничем не помогу, а вот на довольствие к себе поставлю. На больничных харчах особо не поправишься, скорее ноги протянешь. Мясом для силы подкормим, рыбкой с фосфором – для потенции, а фрукты и овощи – для цвета лица пойдут. В общем, помереть не дадим, а совсем даже наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.